

СТИВЕН КИНГ

A movie poster for the film 'The Shining'. The top half features a close-up of a woman's face in profile, looking down with a tear on her cheek. Her long, wavy hair is illuminated with a warm, golden light. In the background, a city skyline is visible at night, with lights reflecting on a road that leads towards the city. The overall color palette is dominated by warm, golden-brown tones.

Сияние

Annotation

Из роскошного отеля выезжают на зиму все... кроме призраков, и самые невообразимые кошмары тут становятся явью. Черный, как полночь, ужас всю зиму царит в занесенном снегами, отрезанном от мира отеле. И горе тем, кому предстоит встретиться лицом к лицу с восставшими из ада душами, ибо призраки будут убивать снова и снова!

Читайте «Сияние» — и вам станет по-настоящему страшно!

Стивен Кинг

Сияние

Посвящается Джо Хиллу Кингу, который все сияет

Редактором этой моей книги, как и двух предыдущих, был мистер Уильям Дж. Томпсон, человек мудрый и здравомыслящий. Его вклад в эту книгу велик, и я благодарю его за это.

С. К.

В Колорадо — несколько самых прекрасных курортных отелей в мире, но описанный на этих страницах отель не имеет ничего общего ни с одним из них. «Оверлук» и связанные с ним люди существуют исключительно в воображении автора.

...А еще в этой комнате... стояли гигантские часы черного дерева. Их тяжелый маятник с монотонным приглушенным звуком качался из стороны в сторону, и, когда... часам наступал срок бить, из их медных легких вырывался звук отчетливый и громкий, проникновенный и удивительно музыкальный, до того необычный по силе и тембру, что оркестранты вынуждены были... останавливаться, чтобы прислушаться к нему. Тогда вальсирующие пары невольно переставали кружиться, ватага весельчаков на миг замирала в смущении и, пока часы отбивали удары, бледнели лица даже самых беспутных, а те, кто был постарше и порассудительней, невольно проводили рукой по лбу, отгоняя какую-то смутную думу. Но вот бой часов умолкал, и тотчас же веселый смех наполнял покои; музыканты с улыбкой переглядывались, словно подсмеиваясь над своим нелепым испугом, и каждый тихонько клялся другому, что в следующий раз он не поддастся смущению при этих звуках. А когда пробегали шестьдесят минут... и часы снова начинали бить, наступало прежнее замешательство и собравшимися овладевали смущение и тревога.

И все же это было великолепное и веселое празднество...

Э. А. По «Маска Красной Смерти»

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Коли сияет, так сиять и будет.

Поговорка

Часть первая
Предварительные вопросы

1. Разговор насчет работы

Настырный сукин сын, подумал Джек Торранс.

В Уллмане было пять футов пять дюймов, и двигался он с той суетливой, раздражающей быстротой, что присуща исключительно толстячкам небольшого роста. Волосы разделял аккуратный пробор, а темный костюм был строгим, но внушал доверие. Вот человек, к которому вы можете прийти со своими проблемами, говорил костюм денежному клиенту. Со штатным персоналом он обращался более отрывисто и грубо: «Ну ты, лучше пусть все будет путем». В петлице сидела красная гвоздика — может быть, для того, чтобы никто из прохожих по ошибке не принял Стюарта Уллмана за местного гробовщика.

Слушая Уллмана, Джек для себя решил, что в подобных обстоятельствах, вероятно, и сам не симпатизировал бы ни одному человеку по эту сторону стола.

Уллман задал вопрос, но Джек пропустил его мимо ушей. Вышло нехорошо. Уллман принадлежал к тому типу людей, которые заносят подобные промахи в анналы своей памяти для позднейшего рассмотрения.

— Простите?

— Я спрашиваю: в полной ли мере ваша жена осознает, что за обязанности вы здесь на себя примете? И потом, конечно, ваш сын... — Взгляд Уллмана скользнул вниз к лежащему перед ним заявлению: — Дэниэл. Вашу жену не пугает такая мысль?

— Венди — необыкновенная женщина.

— И сын у вас тоже необыкновенный?

Джек изобразил широкую рекламную улыбку:

— Во всяком случае мы так считаем. Для пятилетнего ребенка он вполне самостоятелен.

Ответной улыбки от Уллмана не последовало. Он сунул заявление Джека обратно в папку. Папка отправилась в ящик. Теперь поверхность стола была абсолютно голой, если не считать пресс-папье, телефона, лампы «Тензор» и бювара с ячейками для входящих и исходящих бумаг. Обе ячейки тоже были пусты.

Уллман поднялся и пошел в угол, к стоявшему там стеллажу.

— Будьте добры, обойдите стол, мистер Торранс. Посмотрим планы этажей.

Он вернулся с пятью большими листами и разложил их на блестящей ровной столешнице орехового дерева. Джек встал у него за плечами, ощущая сильный запах одеколона. *Все мои люди пахнут «Английской кожей» или не пахнут вовсе*, вдруг ни с того ни с сего пришло ему в голову, и, чтобы сдержать резкий неприятный смешок, Джеку пришлось прикусить язык. За стеной слабо шумела успокаивающаяся после ленча кухня отеля «Оверлук».

— На последнем этаже чердак, — отрывисто произнес Уллман. — Там сплошной хлам, ничего больше. Со времен второй мировой войны «Оверлук» несколько раз менял хозяев, и, похоже, каждый следующий управляющий все ненужное отправлял на чердак. Я хочу, чтобы там повсюду разбросали яд и расставили крысоловки. Горничные с четвертого этажа поговаривали, что оттуда доносились шорохи. Разумеется, я им не поверил, но не должно существовать даже одного шанса из тысячи, что в «Оверлуке» заведется хоть одна-единственная крыса.

Джек, подозревавший, что в любом отеле мира найдется крыса-другая, придержал язык.

— Разумеется, ни под каким видом не следует разрешать ребенку подниматься на чердак.

— Конечно, — сказал Джек, снова сверкнув широчайшей рекламной улыбкой. Что же, этот поганый бюрократишко и впрямь думает, будто он позволит сыну околачиваться на чердаке, где полно крысоловок, разной рухляди и бог знает чего еще?

Сдвинув в сторону план чердака, Уллман сунул его в самый низ стопки.

— В «Оверлуке» сто десять номеров, — произнес он тоном школьного учителя. — Тридцать номеров-люкс расположены на четвертом этаже. Десять, в том числе и президентский, — в западном крыле, десять — в центральной части и еще десять — в восточном крыле. Из всех окон открываются великолепные виды.

Ну хотя бы без рекламы ты можешь обойтись?

Однако вслух Джек ничего не сказал. Ему нужна была работа.

Уллман засунул план четвертого этажа вниз стопки, и они принялись изучать третий.

— Сорок номеров, — объяснял Уллман, — тридцать двухместных и десять одноместных. А на втором этаже — по десять тех и других. Плюс на каждом этаже по три бельевые и кладовки: на третьем этаже — в самом конце восточного крыла отеля, на втором — в самом конце западного крыла. Вопросы есть?

Джек покачал головой. Уллман смахнул прочь третий и второй этажи.

— Теперь — первый этаж. Вот здесь, в центре, стойка администратора. Позади нее — служебные помещения. От стойки администратора на восемьдесят футов в обе стороны тянется вестибюль. Вот тут, в западном крыле, столовая «Оверлука» и бар «Колорадо». Банкетный и бальный залы — в восточном крыле. Вопросы?

— Только насчет подвала, — сказал Джек. — Для зрителя на зимний сезон это самый важный этаж. Где, так сказать, разворачивается основное действие.

— Все это вам покажет Уотсон. План подвала — на стене котельной. — Уллман внушительно нахмурился, возможно, желая показать, что столь низменные стороны жизнедеятельности «Оверлука», как котел и водопровод, не его, управляющего, забота. — Может быть, неплохо было бы поставить и там несколько крысоловок. Минуточку...

Он извлек из внутреннего кармана пиджака блокнот, нацарапал записку (на каждом листке четким почерком, черными чернилами было написано: *Со стола Стюарта Уллмана*) и, вырвав листок, положил в ячейку для исходящих бумаг. Блокнот снова исчез в кармане пиджака Уллмана, словно завершая волшебный фокус: вот он есть, Джекки, малыш, а вот его нет. Да-а, парень-то и впрямь шишка.

Они заняли свои прежние места, Уллман — за столом, Джек — перед ним; задающий вопросы и отвечающий на них; проситель и несгибаемый хозяин. Уллман сложил аккуратные ладошки на пресс-папье и в упор взглянул на Джека — лысеющий низенький человек в костюме банкира и галстук спокойного серого тона. Гвоздика в петлице уравновешивалась маленьким значком на другом лацкане. Там золотыми буквами было написано только одно слово: *СОТРУДНИК*.

— Мистер Торранс, я буду с вами предельно откровенен. Элберт Шокли — человек влиятельный, он много вложил в «Оверлук», который в этом сезоне впервые за свою историю принес прибыль. Кроме того, мистер Шокли заседает в Совете директоров, но в гостиничном бизнесе мало что понимает и сам это признает. Однако он дал вполне конкретные указания, какого зрителя ему бы хотелось иметь. А именно: чтобы мы наняли вас. Я так и сделаю. Но если бы в этом вопросе мне предоставили свободу действий,

я бы предпочел вас не брать.

Джек, похрустывая пальцами, стиснул на коленях потные руки. *Настырный сукин сын, настырный сукин...*

— Не думаю, что вас сильно интересует мое мнение, мистер Торранс. Мне *сын, настырный сукин...*

— ...это безразлично. Разумеется, ваши чувства по отношению ко мне никак не влияют на мое личное убеждение, что для такой работы вы не годитесь. Вы могли бы заметить, что во время сезона, а он длится с пятнадцатого мая по тридцатое сентября, в «Оверлуке» постоянно работают сто десять человек — по человеку на каждый номер. Вряд ли я многим по душе, и подозреваю, что некоторые считают меня изрядным мерзавцем. Если так, они не ошиблись. Чтобы управлять отелем так, как он того заслуживает, приходится быть изрядным мерзавцем.

Тут он посмотрел на Джека — не будет ли комментарий, — и Джек опять сверкнул рекламной улыбкой, до того зубастой, что это могло показаться оскорбительным.

— «Оверлук» строился с тысяча девятьсот седьмого по тысяча девятьсот девятый год, — продолжил Уллман. — До ближайшего городка — Сайдвиндера — сорок миль к востоку по дорогам, которые закрываются с конца октября до апреля. Выстроил его некто Роберт Таунли Уотсон, дедушка нашего нынешнего техника. Здесь останавливались и Вандербильды, и Рокфеллеры, и Эсторы, и Дюпоны. В президентском люксе побывали четыре президента: Вильсон, Гардинг, Рузвельт и Никсон.

— Никсоном и Гардингом я бы не слишком гордился, — пробормотал Джек.

Уллман нахмурился, но, несмотря на это, продолжил:

— Мистеру Уотсону это оказалось не по силам, и в пятнадцатом году он продал отель. Потом отель продавали неоднократно: в двадцать втором, двадцать девятом и тридцать шестом годах. До окончания второй мировой войны он простоял без хозяина, а потом был куплен и полностью обновлен Горасом Дервентом — миллионером, пилотом, кинопродюсером и антрепренером.

— Мне знакомо это имя, — заметил Джек.

— Да. Кажется, все, до чего он ни дотронется, превращается в золото... кроме «Оверлука». Прежде чем первый послевоенный гость переступил этот порог, превратив дряхлую реликвию в место проведения шоу, отель сожрал больше миллиона долларов. Это Дервент пристроил так восхитившую вас по приезду площадку для игры в роке.

— Роке?..

— Британский предок нашего крокета, мистер Торранс. Крокет, собственно говоря, — дешевый, вульгарный вариант роке. Согласно легенде, Дервента обучил этой игре его секретарь, человек весьма светский, и тот просто влюбился в нее. Должно быть, наша площадка для роке — самая лучшая в Америке.

— Не сомневаюсь, — серьезно сказал Джек. Площадка для роке, живая изгородь из кустов, подстриженных в форме зверей, а что еще? Игра «Дядюшка Уиггли» в натуральную величину за сараем с инвентарем? Мистер Стюарт Уллман начал сильно утомлять Джека, но, судя по всему, скорого конца их беседе не предвиделось. Уллман намеревался высказаться от души, до последнего словечка.

— Потеряв три миллиона, Дервент продал отель группе калифорнийских вкладчиков. Их попытка оказалась столь же неудачной. Просто они ничего не понимали в отелях.

В тысяча девятьсот семидесятом году отель купил мистер Шокли с группой

компаньонов, передав управление мне. Несколько лет и мы проработали вхолостую, но я счастлив сообщить, что доверие ко мне нынешних владельцев полностью оправдалось. В прошлом году мы окупили расходы. А в этом году, впервые почти за семьдесят лет, счета «Оверлука» заполнялись черными чернилами.

Джек счел, что гордость этого суетливого человечка оправданна, но тут на него снова накатила волна прежнего отвращения.

— Не вижу никакой связи между цветистой историей «Оверлука» и вашим ощущением, что я не гожусь на эту работу, мистер Уллман, — сказал он.

— Одна из причин, по которой «Оверлук» приносил такие крупные убытки, заключается в том, что в зимнее время отель ветшает. Вы не поверите, как сильно это сокращает уровень прибыли, мистер Торранс. Зимы действительно суровы. Для того чтобы решить эту проблему, я решил нанимать на зимний период смотрителя, чтобы он следил за котлом, ежедневно прогревал здание по частям, по круговому циклу, сразу же чинил то, что ломается, и не давал таким мелочам стать зародышем дальнейшего разрушения. В первую нашу зиму вместо одного человека я нанял семью. Случилась трагедия. Ужасная трагедия. — Уллман холодно, оценивающе посмотрел на Джека: — Я совершил ошибку. Честно это признаю. Тот человек был пьяницей.

Джек почувствовал, как рот растягивает медленная, опасная улыбка, полная противоположность прежней, рекламной, сверкающей зубами.

— Вот оно что? Странно, что Эл вам не сказал. Я бросил.

— Да, мистер Шокли говорил, что вы больше не пьете. Еще он рассказывал о вашем последнем месте работы... о последнем оказанном вам доверии, скажем так. В Вермонте вы преподавали английский язык в подготовительной школе. И вышли из себя — не думаю, что следует вдаваться в излишние подробности. Но я действительно считаю, что случай с Грейди показателен, вот почему коснулся в разговоре вашей... э-э... предыстории. Зимой семидесятого — семьдесят первого года, после того, как мы подновили «Оверлук», но еще до нашего первого сезона, я нанял этого... этого несчастного по имени Делберт Грейди. Он поселился в комнатах, которые вам предстоит разделить с женой и сыном. С ним были жена и две дочки. У меня были определенные сомнения, во-первых, из-за суровости зимы, а еще из-за того, что семье Грейди предстояло оставаться целых пять или шесть месяцев отрезанной от внешнего мира.

— Но ведь это не совсем так, а? Здесь есть телефоны и радиопередатчик, наверное, тоже. А в национальном парке «Скалистые горы» имеются вертолеты, которые вполне могут сюда долететь, такая большая площадка, как эта, вместит пару вертушек.

— Не знаю, не знаю, — сказал Уллман. — Передатчик в отеле есть — его вам покажет мистер Уотсон вместе со списком частот, на которых следует выходить в эфир, если понадобится помощь. Телефонные линии между отелем и Сайдвиндером все еще идут поверху и чуть ли не каждую зиму где-нибудь обрываются, а это минимум три недели, а максимум — полтора месяца изоляции. Еще в сарае стоит снегоход.

— Ну, тогда вы вообще не отрезаны от внешнего мира.

Лицо мистера Уллмана приняло страдальческое выражение.

— Предположим, ваш сын или жена поскользнулись на лестнице и раскроили себе череп, мистер Торранс. Считете ли вы отель отрезанным от цивилизации в этом случае?

Джек понял, что тот прав. Мчащийся на предельной скорости снегоход может доставить вас в Сайдвиндер за полтора часа... вероятно. Вертолет из Спасательной службы парков

способен добраться сюда за три часа... при оптимальных условиях. В снежный буран он даже не сумеет подняться. Вряд ли удастся доехать на предельно быстро мчащемся снегоходе, даже если рискнуть и вытащить серьезно пострадавшего человека на двадцатипятиградусный мороз, который при сильном холодном ветре не уступит сорокапятиградусному.

— В случае с Грейди, — сказал Уллман, — я рассуждал во многом так же, как мистер Шокли в вашем случае. Одиночество само по себе может оказаться губительным. Лучше, когда с человеком будут его близкие. Если и случится неприятность, подумал я, весьма вероятно, это будет не столь серьезно, как проломленный череп, несчастный случай с электроприборами или какие-нибудь судороги. Тяжелая форма гриппа, воспаление легких, сломанная рука, даже аппендицит — все это допускает определенное промедление.

Подозреваю, что ничего бы не случилось, если бы Грейди при полном моем неведении не запасся в избытке дешевым виски и если бы не то любопытное состояние, которое в былые времена называлось «кабинной лихорадкой». Вам знаком такой термин? — Уллман изобразил слабую покровительственную улыбку, готовый дать разъяснения, если бы Джек признался в своем невежестве, и тот обрадовался, что может ответить быстро и четко:

— Это жаргонный термин, обозначающий клаустрофобическую реакцию, которая проявляется у людей, много времени проводивших взаперти. Внешне клаустрофобия проявляется как неприязнь к людям, с которыми вас заперли. В крайних случаях могут возникнуть галлюцинации, насилие; такой пустяк, как подгоревший обед или спор, чья очередь мыть посуду, может окончиться убийством.

Уллман, похоже, был ошарашен, и это страшно обрадовало Джека. Он решил еще чуточку поднажать, но про себя пообещал Венди сохранять спокойствие.

— В этом-то, полагаю, вы и ошиблись. Он причинил им вред?

— Он убил их, мистер Торранс, а потом покончил с собой. Своих девочек он убил топориком, жену застрелил и застрелился сам. У него была сломана нога. Несомненно, он так упился, что упал с лестницы.

Уллман вытянул руки и добродетельно взглянул на Джека.

— У него было высшее образование?

— Собственно говоря, нет, — несколько натянуто сообщил Уллман. — Я полагал, что... э-э... скажем, индивидуум с не слишком богатой фантазией будет менее восприимчив к оцепенению, одиночеству...

— Вот в чем ваша ошибка, — сказал Джек. — Тупица сильнее подвержен кабинной лихорадке, и он скорее пристрелит кого-нибудь за карточной игрой или ограбит ни с того ни с сего. Ему становится скучно. Когда выпадает снег, делать нечего, только смотреть телевизор или играть в «солитер», жульничая, когда не можешь выложить все тузы. Остается только собачиться с женой, изводить детей придирками и пить. Засыпать все труднее, потому что нет настоящей усталости, поэтому он напивается, чтобы уснуть, и просыпается с похмельем. Он становится раздражительным. А тут, может быть, ломается телефон, антенну валит ветром, заняться нечем, можно только думать, жульничать в «солитер» и делаться все раздражительнее и раздражительнее... И, наконец, бум, бум, бум.

— В то время, как образованный человек, такой, как вы?

— И я, и моя жена любим читать. У меня есть пьеса, над которой надо работать, Эл Шокли, вероятно, говорил вам об этом. У Дэнни — головоломки, раскраски, транзисторный приемник. Я собираюсь выучить его читать и еще ходить на снегоступах. Венди тоже хотела

бы этому научиться. Да, по-моему, мы найдем чем заняться и не станем мозолить глаза друг другу, если телевизор выйдет из строя. — Он помолчал. — Когда Эл говорил, что я больше не пью, он не лгал. Было время, я пил, и это становилось серьезным. Но за последние четырнадцать месяцев я не выпил и стакана пива. И не собираюсь притаскивать сюда спиртное. По-моему, после того как пойдет снег, у меня не будет случая достать выпивку.

— Вот в этом вы абсолютно правы, — сказал Уллман. — Но пока вас здесь трое, возможные проблемы умножаются. Я уже говорил об этом мистеру Шокли, теперь поставил в известность вас. Он ответил, что берет это под свою ответственность, и вы, очевидно, тоже готовы взять ответственность на себя...

— Да.

— Очень хорошо. Я согласен, поскольку выбор у меня невелик. И все же предпочел бы нанять неженатого студента, находящегося в академическом отпуске. Впрочем, может быть, вы и справитесь. Теперь я передам вас мистеру Уотсону, который покажет вам цокольный этаж и нашу территорию. Но если у вас есть еще вопросы...

— Нет. Никаких.

Уллман встал:

— Надеюсь, вы не в обиде, мистер Торранс. В том, что я вам изложил, нет ничего личного. Я только хочу, чтобы дела «Оверлука» шли как можно лучше. Это отличный отель. И хочется, чтобы он таким и оставался.

— Нет. Я не в обиде. — Джек снова сверкнул широкой рекламной улыбкой, но порадовался, что Уллман не подал ему руки. Обида была. Еще какая.

2. Боулдер

Выглянув из кухонного окна, Венди увидела, что он просто сидит на краю тротуара, не играя ни грузовичками, ни фургонном, ни даже бальзовым планером, которому так радовался всю неделю с тех пор, как Джек принес игрушку в дом. Просто сидит, уперев локти в колени, уткнув подбородок в ладони, и высматривает их старенький «фольксваген» — пятилетний малыш, поджидающий папу.

Венди вдруг стало не по себе, даже слезы навернулись на глаза.

Она повесила посудное полотенце на перекладину возле раковины и пошла вниз, застегивая две верхние пуговицы халата. Все Джек со своей гордостью!

Ну уж нет, Эл, протекции мне не надо. Последнее время у меня все туп-туп.

Щербатые стены в подъезде были исписаны цветными мелками, восковыми карандашами и аэрозольной краской. Крутая деревянная лестница подгнила и крошилась под ногами. Дом пропитался кислым запахом старья — разве это место для Дэнни после аккуратного кирпичного домика в Стовингтоне? Соседи сверху, с четвертого этажа, официально не были женаты, но ее это не беспокоило, зато беспокоили их постоянные злобные стычки. Парня сверху звали Том. По пятницам, после того как закрывались бары, соседи возвращались домой и война начиналась всерьез — по сравнению с этим остальные дни недели были всего лишь разминкой. Джек называл соседские потасовки «ночные пятничные бои», но это было не смешно. Женщина — ее звали Илейн — под конец ударялась в слезы и безостановочно повторяла: «Не надо, Том. Пожалуйста, не надо». А он орал на нее. Однажды они даже разбудили Дэнни, а Дэнни спит как убитый. На следующее утро Джек перехватил Тома, когда тот выходил, и, отведя подальше по тротуару, что-то сказал ему. Том было расшумелся, начал угрожать, но Джек добавил кое-что еще — слишком тихо, чтобы Венди могла расслышать, и, мрачно покачав головой, Том ушел, вот и все. Это случилось неделю назад, несколько дней было получше, но с выходных жизнь стала возвращаться в нормальное — простите, в ненормальное — русло. Для мальчика это было нехорошо.

Снова накатило чувство горечи, но, пока Венди шла во двор, ей удалось подавить его. Подобрав юбку, она уселась на край тротуара рядом с сыном и спросила:

— В чем дело, док?

Он улыбнулся, но улыбка получилась невеселой:

— Привет, ма.

Между обутых в кроссовки ног стоял планер. Венди заметила, что одно крыло треснуло.

— Хочешь, посмотри, что тут можно сделать, милый?

Дэнни вернулся к созерцанию улицы:

— Нет. Папа сделает.

— Док, папа может до ужина не вернуться. В горы путь неблизкий.

— Думаешь, машинка сломается?

— Нет, не думаю. — Но он дал Венди новую причину для тревоги. *Спасибо, Дэнни, этого мне и не хватало.*

— Папа сказал, она может, — сообщил Дэнни небрежным, почти скучающим тоном. — Он сказал, бензонасос забит дерьмом.

— Дэнни, не говори такие слова.

— Бензонасос? — спросил он с искренним удивлением.

Она вздохнула:

— Нет, «забит дерьмом». Не говори так.

— Почему?

— Это вульгарно.

— Ма, а как это — вульгарно?

— Ну, все равно, как ковырять в носу за столом или делать пи-пи, не закрыв дверь туалета. Или говорить что-нибудь вроде «забит дерьмом». Дерьмо — вульгарное слово. Хорошие люди так не говорят.

— А папа говорит. Когда он смотрел мотор в машинке, то сказал: «Господи, насос-то забит дерьмом». Разве папа плохой?

Как ты справляешься с этим, Уиннифред? Тренируешься?

— Папа хороший, но ведь он взрослый. И очень следит за тем, чтоб ничего такого не сказать при тех, кто не поймет.

— Как дядя Эл, да?

— Да, правильно.

— А когда я вырасту, мне можно будет так говорить?

— Думаю, ты будешь так говорить, понравится мне это или нет.

— А во сколько лет?

— Двадцать звучит неплохо, а, док?

— Как долго ждать...

— Понимаю, что долго, но, может, ты попробуешь?

— Ладно...

Дэнни снова уставился на дорогу. Он чуть пригнулся, как будто собираясь встать, но тут подполз ярко-красный жук и привлек к себе внимание мальчика. Он опять расслабился. Венди задумалась, насколько переезд в Колорадо отразился на Дэнни. Он ничего не говорил, но она тревожилась, замечая, сколько времени сын проводит в одиночестве. В Вермонте дети — ровесники Дэнни были у троих преподавателей, коллег Джека, и там сын ходил в детский сад, но здесь Дэнни не с кем было играть. Большую часть квартир занимали студенты университета, женатых пар в доме на Арапаго-стрит было раз-два и обчелся, и только совсем у немногих — дети. Она насчитала около дюжины студентов или старших школьников, трех грудных младенцев — и все.

— Мам, почему папа потерял работу?

Вопрос застал Венди врасплох, и она заметалась в поисках подходящего ответа. Они с Джеком уже обсуждали, как выйти из положения, если Дэнни спросит об этом, и диапазон ответов колебался от уклончивых объяснений до чистой, лишенной всякого глянца, правды. Но Дэнни не спрашивал. Вопрос прозвучал только сейчас, когда Венди чувствовала себя подавленной и меньше всего была готова на него ответить. Однако Дэнни не отводил глаз, возможно, читая на ее лице смущение и делая из этого свои выводы. Она подумала, что побуждения и действия взрослых должны казаться детям такими же значительными и зловещими, какими кажутся опасные звери под сенью темного леса. Детей дергают туда-сюда, как марионеток, и они лишь смутно представляют себе зачем и почему. Эта мысль опять привела ее в состояние, опасно близкое к слезам, и, стараясь овладеть собой, она нагнулась, подняла сломанный планер и принялась вертеть его в руках.

— Дэнни, помнишь, папа тренировал дискуссионную команду?

— А как же, — отозвался он. — Спор для потехи, да?

— Верно. — Она все вертела в руках планер, разглядывая название «Быстролет», голубые звездочки переводных картинок на крыльях, и спохватилась, что рассказывает сыну чистую правду.

— Там был мальчик по имени Джордж Хэтфилд, папе пришлось выгнать его из команды. У него все получалось хуже, чем у некоторых других ребят. Джордж сказал, что папа выгнал его потому, что невзлюбил, а не потому, что он не справился. Потом Джордж сделал гадость. Думаю, ты знаешь об этом.

— Это он провертел дырки в шинах нашей машинки?

— Да, он. После уроков, а папа поймал его за этим. — Тут она снова замялась, но теперь деваться было некуда, выбор сузился: то ли сказать правду, то ли солгать.

— Папа... иногда он поступает так, что потом жалеет об этом. Бывает, он не задумывается о последствиях. Не слишком часто, но иногда такое случается.

— Он сделал Джорджу Хэтфилду больно, как мне, когда я рассыпал все его бумаги, да?

— Иногда...

(Дэнни с загипсованной рукой...)

...он поступает так, что потом жалеет об этом.

Венди свирепо заморгала, загоняя слезы обратно.

— Почти так, милый. Папа ударил Джорджа, чтоб тот перестал резать шины, а Джордж стукнулся головой. Тогда те, кто отвечает за школу, сказали, что Джордж больше не сможет в нее ходить, а папа — учить в этой школе. — Она замолчала, с опаской ожидая потока вопросов.

— А, — сказал Дэнни и снова принялся смотреть на дорогу.

Тема явно была закрыта. Если бы и Венди смогла так же просто закрыть эту тему. Она поднялась:

— Пойду наверх, выпью чаю, док. Хочешь парочку печенюшек и стакан молока?

— Я лучше подожду папу.

— Не думаю, что он доберется домой раньше пяти.

— А вдруг приедет.

— Может, и так, — согласилась она. — Вдруг успеет.

Она была уже на полпути к дому, когда сын окликнул ее:

— Ма!

— Что, Дэнни?

— Тебе хочется уехать в этот отель и жить там зимой?

Ну какой из пяти тысяч ответов, скажите на милость, следовало выбрать? Объяснить, что она думала вчера? Или прошлой ночью? Или сегодня утром? Всякий раз бывало иначе, спектр менялся от ярко-розового до непроницаемо-черного.

— Если этого хочет твой отец, значит, и я хочу того же, — сказала она и, немного помолчав, добавила: — А ты что скажешь?

— По-моему, мне хочется, — наконец сказал он. — Тут играть особенно не с кем.

— Скучаешь по друзьям, да?

— Иногда скучаю, по Скотту и Энди. Вот и все.

Она вернулась к нему и поцеловала, взъерошив светлые волосы, только начавшие терять младенческую тонкость. Малыш был таким серьезным, и она иногда задумывалась, каково ему жить с такими родителями, как они с Джеком. Светлые надежды, с которых все начиналось, свелись к этому малоприятному дому в чужом для них городе. Перед глазами

опять появился Дэнни с загипсованной рукой. Кто-то на небесах, отвечающий за Службу Промысла Господня, совершил ошибку, которую, как опасалась Венди, уже не исправить, а расплатиться за нее сможет самый невинный сторонний наблюдатель.

— Держись подальше от дороги, док, — сказала Венди, крепко обняв его.

— Железно, ма.

Она поднялась наверх, в кухню. Поставила чайник и выложила на тарелку для Дэнни парочку «Орео» — вдруг, пока она будет спать, он решит пойти наверх. Сидя у стола перед большой керамической чашкой, Венди смотрела на Дэнни в окно: он по-прежнему сидел на кромке тротуара, одетый в джинсы и мешковатую темно-зеленую фуфайку с надписью «Стовингтонская подготовительная», планер теперь лежал рядом с ним. Весь день она боялась расплакаться, и вот слезы хлынули ливнем. Венди с рыданием опустила лицо в поднимающийся от чая ароматный пар и расплакалась, горя и тоскуя о прошлом и опасаясь будущего.

3. Уотсон

— *Вы вышли из себя*, — заметил Уллман.

— Добро, вот ваша топка, — произнес Уотсон, включая свет в темном, пропахшем плесенью помещении. Это был упитанный мужчина с пушистыми соломенными волосами, одетый в белую рубашку и темно-зеленые китайские штаны. Он распахнул маленькое зарешеченное окошко на корпусе топки и вместе с Джеком заглянул внутрь:

— Вот тут главная горелка.

Ровная бело-голубая струя монотонно шипела, с разрушительной силой поднимаясь вверх по желобу, но ключевое слово, подумал Джек, РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ, а не ЖЕЛОБ: сунь туда руку — и через три секунды получится жаркое.

Вышли из себя.

(Дэнни, с тобой все в порядке?)

Топка занимала все помещение, она была куда больше и старше, чем Джеку приходилось видеть.

— Горелка работает бесперебойно, — сообщил Уотсон. — Там внутри датчик замеряет температуру. Если она падает ниже определенного уровня, система включает звонок у вас в квартире. Котел за стенкой, с той стороны. Пошли, провожу. — Он захлопнул решетку и, обойдя массивную железную топку сзади, провел Джека к другой двери. Железо излучало жар, от которого не хотелось двигаться, и Джек почему-то подумал о большой сонной кошке. Уотсон звенел ключами и насвистывал.

Вышли из...

(Когда он вернулся к себе в кабинет и увидел, как Дэнни стоит там в одних трусиках и улыбается, рассудок Джека медленно заволокло красное облако ярости. Изнутри, с его точки зрения, все представлялось долгим, но не заняло, должно быть, и минуты. Так кажутся долгими некоторые сны — плохие сны. Оказалось, пока Джека не было, Дэнни разворошил в кабинете все ящики, раскрыл все дверцы. Стенной шкаф, полки, вращающийся стеллаж для книг. Все ящики стола, как один, зияли, выдвинутые до упора. Его рукопись, трехактная пьеса, которую он медленно разрабатывал из написанного семь лет назад, еще в бытность студентом, рассказика, была раскидана по всему полу. Когда Венди позвала его к телефону, он исправлял второй акт, потягивая пиво, и Дэнни вылил на страницу всю банку. Не исключено, чтобы посмотреть, как оно пенится. *Пенится, пенится*, слово все звучало и звучало у Джека в голове, как единственная струна в расстроенном пианино, замыкая электрическую цепь его ярости. Он медленно шагнул к своему трехлетнему сыну, который смотрел на него снизу вверх с довольной улыбкой, радуясь тому, какую удачную работу только что завершил в папином кабинете. Дэнни начал было что-то говорить, но тут Джек ухватил его за руку, согнув ее, чтобы заставить бросить зажатые в ней ластик для пишущей машинки и автоматический карандаш. Дэнни слегка вскрикнул... нет... говори правду... он пронзительно закричал. Как же тяжело вспоминать этот единственный глухой звук струны Спайка Джонса в тумане гнева. Где-то Венди спрашивала, что случилось. Ее слабый голос тонул в заволочшей его изнутри мгле. Это касалось только их двоих. Он рывком развернул Дэнни, чтобы отшлепать, его пальцы — большие пальцы взрослого человека — впились в тщедушную плоть детской ручонки, смыкаясь вокруг нее в сжатый кулак, а треск сломавшейся косточки был негромким — негромким? — да нет, он был *очень громким*,

ОГЛУШИТЕЛЬНЫМ, но не громким. Как раз таким, чтобы стрелой пронзить красный туман — но вместо того, чтобы впустить солнечный свет, этот звук впустил темные тучи стыда и раскаяния, ужас, мучительные судороги духа. Чистый звук, по одну сторону которого — прошлое, а по другую — все будущее; такой звук бывает, когда ломаешь об колено лучинку или лопается грифель карандаша. По другую сторону — мгновение полнейшей тишины, быть может, из уважения к начавшемуся будущему, той жизни, что осталась ему. На глазах Джека лицо Дэнни теряло краски, становилось похожим на сыр, большие глаза мальчика сделались еще больше и потускнели. Он уверился, что сейчас мальчик замертво упадет в разлитое по бумагам пиво; его собственный голос, слабый и пьяный, глотал слова, пытаюсь повернуть все вспять, как-нибудь обойти не слишком громкий звук треснувшей косточки, найти дорогу в прошлое — есть ли в этом доме статус-кво? — голос выговаривал: *Дэнни, с тобой все в порядке?* Ответный пронзительный крик Дэнни, потом потрясенное аханье Венди, когда та вошла к ним и увидела, под каким странным углом согнута в локте ручка Дэнни: в том мире, где обитают нормальные семьи, руки под такими углами свисать не должны. Крик Венди, когда она схватила сына в объятия, бессмысленный лепет: *О Господи, Дэнни, о Господи, Господи ты Боже мой, твоя ручка;* а Джек так и стоял там, оглушенный, отупевший, пытаюсь понять, как же такое могло случиться. Так он и стоял, а, встретившись взглядом с глазами жены, понял, что Венди ненавидит его. Он не сообразил, что эта ненависть могла означать практически: только позже до него дошло, что Венди могла уйти от него, отправиться в мотель, а утром вызвать юриста, занимающегося разводами, или позвонить в полицию. Он чувствовал себя ужасно. Как перед лицом надвигающейся смерти. Потом она кинулась к телефону и набрала номер больницы; плачущий мальчик висел на сгибе ее руки, но Джек за ней не пошел — он просто стоял посреди царившего в кабинете развала, чувствуя запах пива и размышляя...)

Вы вышли из себя.

Он с силой провел рукой по губам и пошел следом за Уотсоном в котельную. Там было сыро, но лоб, ноги и живот Джека покрылись противным липким потом не от сырости. От воспоминаний. С той ночи, померещилось ему, прошло не два года, а два часа. Никакого разрыва во времени не осталось. Вернулись стыд и отвращение, вернулось ощущение, что он никчемный человек, — а от этого ему всегда хотелось выпить, но желание выпить погружало в еще более беспросветное отчаяние: сумеет ли он хоть один час — не неделю, даже не день, понимаете, один только час — пробыть начеку, чтобы страстное желание выпить не застало его врасплох, как сейчас?

— Котел, — объявил Уотсон. Из бокового кармана он извлек красно-синий платок, решительно и трубно высморкался и вновь упрятал его с глаз долой, предварительно быстро глянув внутрь — вдруг там окажется что-нибудь интересное?

Котел — длинная цилиндрическая емкость из металла с медным покрытием, вся в заплатках — был установлен на четырех цементных блоках. Он оседал под путаницей труб, ушедших к высокому, украшенному фестонами паутины потолку подвала. Справа от Джека от находящейся в соседнем помещении топки сквозь стену тянулись две трубы обогрева.

— Вот манометр, — Уотсон похлопал по нему. — Фунты на квадратный дюйм, «пси». Это, думаю, вы знаете. Сейчас я догнал до ста, но ночью в комнатах холодновато. Несколько клиентов пожаловались — что, мол, такое, язви их в душу. Психи они — понаехали в горы в сентябре. А потом, котел-то наш — старичок. Заплаток на нем больше, чем на штанах, что раздают благотворительные комитеты. — На свет Божий явился платок. Трубный звук.

Быстрый взгляд. Платок исчез.

— Простыл, чтоб его, — пояснил разговорчивый Уотсон. — Каждый сентябрь простываю. То вожжаюсь тут с этим старьем, а то траву подстригаю или граблями машу на площадке для роке. Просквозит — готово дело, простыл, говаривала моя мамаша. Упокой, Господи, ее душу, она уже шесть лет как померла. Рак сожрал. Подцепишь рак — готовь завещание.

Коли будете держать давление около пятидесяти — ну, может, шестьдесят, — так и хватит. Мистер Уллман-то велит один день топить в западном крыле, другой — в середине, а после того — в восточном. День-деньской «гав-гав-гав», прямо как одна из тех шавок, что тяпнет за ногу, а потом побежит да обделаает весь коврик. Кабы мозги были черным порошком, ему носа было б не высморкать. Иногда такое видишь, аж зло берет, что не из чего стрельнуть.

Глядите сюда. Тянешь за эти колечки — открываются и закрываются трубы. Я все вам пометил. С синими бирками идут в номера в восточном крыле. Красные бирки — середка. Желтые — западное крыло. Соберетесь протопить в западном крыле, не забудьте, что оно-то погоду и ловит. Как задует, комнаты делаются холодными, ни дать ни взять фригидная баба, у которой все нутро льдом набито. В те дни, когда топишь в западном крыле, можно догнать давление до восьмидесяти. Сам бы я так и сделал.

— Термостаты наверху... — начал Джек.

Уотсон неистово замотал головой, так, что волосы пружинисто запрыгали.

— Они не подсоединены. Просто показуха. Кой-кто из калифорнийцев думает, что коли в их спальне, гори она огнем, пальму не вырастишь, дак это непорядок. Тепло поднимается отсюда, снизу. Но за давлением смотреть все ж таки приходится. Видите, ползет?

Уотсон постучал по основной шкале. Пока он вел свой монолог, стрелка уползла со ста футов на квадратный дюйм к ста двум. Джек вдруг почувствовал, что по спине быстро пробежали мурашки, и подумал: *Гусь прошел по моей могиле*. Тут Уотсон крутанул колесо, сбрасывая давление. Раздалось громкое шипение, и стрелка вернулась на девяносто один. Уотсон завернул вентиль до упора, и шипение неохотно стихло.

— Ползет, — сказал Уотсон. — А сказать этому жирному дятлу, Уллману, так он повытаскивает конторские книги и битых три часа будет выпендриваться, что аж до тысяча девятьсот восемьдесят второго года новый котел ему не по карману. Говорю вам, когда-нибудь все тут взлетит на воздух, и одна у меня надежда — что ракету поведет этот жирный ублюдок. Господи, хотел бы я быть таким же милосердным, как моя мать. Она в каждом умела найти хорошее. Сам-то я злющий, как змей с опоясывающим лишаем. Не может человек ничего поделывать со своей натурой, провались оно все.

Теперь запомните вот что: сюда надо спускаться два раза: днем и разок вечером, до того, как умаялся. Приходится проверять давление. Забудешь — а оно поползет, поползет, и очень может быть, что проснетесь вы всей семейкой на луне, чтоб ей пусто было. А чуток скинешь — и все, никаких хлопот.

— Какой у него верхний предел?..

— Ну, считается, что двести пятьдесят, но теперь-то котел рванет куда раньше. Коли эта стрелка дойдет до ста восьмидесяти, меня никакими коврижками не заманишь спуститься и стать рядом.

— Автоматического отключения нет?

— Не-а. Когда его делали, такое еще не требовалось. Нынче федеральное правительство

во все сует нос, а? ФБР вскрывает почту, ЦРУ сажает жучков в поганые телефоны... видали, что стряслось с этим... Никсоном. Жалостное было зрелище, да?

Но ежели просто ходить сюда регулярно и проверять давление, все будет в лучшем виде. Да не забудьте переключать трубы так, как он хочет. Больше сорока пяти по Фаренгейту ни в одном номере не будет... разве что зима выдастся шибко теплая. А в своей квартире топите сколько влезет.

— Как насчет водопровода?

— О'кей, я аккурат к этому подхожу. Вон сюда, под арку.

Они прошли в длинное прямоугольное помещение, которое, казалось, тянется на мили. Уотсон потянул за шнур, и единственная семидесятипятиваттная лампочка залила бледным колеблющимся светом пространство, где они стояли. Прямо перед ними находилось дно шахты лифта; к блокам футов двадцати в диаметре и массивному, облепленному грязью мотору спускались провода в замасленной изоляции. Повсюду были бумаги — уложенные в стопки, связанные в пачки, сложенные в коробки. Некоторые картонки были подписаны: *Документы, Счета или Квитанции — НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ!* Едкий запах отдавал плесенью. Часть коробок развалилась, выплеснув на пол пожелтевшие хрупкие листки, которым, по-видимому, было лет двадцать. Джек зачарованно огляделся — тут, по-видимому, находилась вся история «Оверлука», погребенная в гниющих коробках.

— Не лифт, а сука, только и знает, что ломается, — сказал Уотсон, ткнув в него пальцем. — Я знаю, чтоб держать ремонтника подальше от этой сволочи, Уллман кормит госинспектора по лифтам потрясными обедами. Ладно, тут у вас — центральный узел водопровода. — Прямо перед ними уходили в высоту, теряясь в темноте, пять больших труб, каждая была обернута изоляцией, перехваченной стальными обручами.

Уотсон указал на затянутую паутиной полку рядом с шахтой. Там валялось несколько грязных тряпок и блокнот с отрывными листками.

— Там схема водопровода, — сказал он. — Думаю, с протечками проблем не будет — сроду не бывало, — но трубы нет-нет да и промерзают. Единственно, как можно это предотвратить, — ночью немного ослабить краны, но их в этом хреновом месте сотни четыре. Попадись счет за воду на глаза этому жирному педикю, что сидит наверху, он так разорется, в Денвере услышат. Разве не так?

— Я бы сказал, потрясающе тонкий анализ.

Уотсон восхищенно взглянул на Джека:

— Эй, приятель, вы, кажись, и впрямь из образованных. Говорите прямо как по-писаному. Я такое дело крепко уважаю, коли человек не этот... не голубой... А их пруд пруди. Знаете, кто несколько лет назад расшевелил студентов побуянить? Пидеры, вот кто. Они разочаровались, и пришлось им пойти на разрыв. Они это называют «вылезти из чулана». До чего мы так докатимся, елки-палки, уж и не знаю. Ну так вот, ежели вода замерзнет, скорей всего замерзнет она в этой шахте. Нет обогрева, понятно? На этот случай тут имеется вот что. — Он полез в сломанный ящик и достал маленькую газовую горелку.

— Как обнаружите лед, так просто отмотайте изоляцию и грейте. Ясно?

— Да. А если труба замерзнет выше центрального узла коммуникаций?

— Коли работать, как положено, и топить, такого быть не может. Все равно к другим трубам не пробраться. Да ладно, чего из-за этого переживать. Все будет нормально. Ну и погано же тут внизу! Полно паутины. У меня от нее аж мороз по коже, такое дело.

— Уллман рассказывал, первый зимний зритель убил всю семью и покончил с

собой.

— А, тот парень, Грейди. Я, как увидел, сразу понял — ненадежный человек, ухмылялся все время, чисто кот, что сметану слизал. Они-то тогда только начинали, а уж этот жирный болван Уллман и Бостонского душителя нанял бы, согласись тот работать за гроши. Лесничий из национального парка, вот кто их нашел, телефон-то не работал. В западном крыле наверху они были, на четвертом этаже, окоченели в камень. Девчушек больно жалко. Шесть и восемь. Сообразительные, что тебе мальчишки-рассыльные. Ах, черт, вот была беда! Уллман-то, когда сезон кончается, управляет каким-то поганеньким дешевым курортом во Флориде, так он — самолетом в Денвер и нанял сани, чтоб добраться сюда из Сайдвиндера, потому как дороги были перекрыты... *Сани*, можете себе представить? Он себе пупок надорвал, только б дело не попало в газеты. Признаться, ему это здорово удалось. Была заметочка в «Денвер пост», ну и, конечно, та вонючая газетенка, что издают в Эстес-Парк, укусила. Но и только. Здорово, коли учесть, что за репутация у этого места. Я так и ждал, что какой-нибудь репортеришка раскопает все по новой и просто вроде как втиснет Грейди туда же, чтоб оправдаться, на кой он копался в старых скандалах.

— В каких скандалах?

Уотсон пожал плечами.

— В каждом крупном отеле бывают скандалы, — сказал он. — И привидения в каждом крупном отеле имеются. Почему? Ну, черт возьми, люди приезжают, уезжают... Нет-нет, кто-нибудь и даст дуба в номере — сердечный приступ или удар, или еще что. Отели битком набиты суевериями. Никаких тринадцатых этажей и тринадцатых номеров, никаких зеркал на входной двери с изнанки и прочее. Да что там, только в прошлом июле одна дамочка померла тут, у нас. Пришлось Уллману этим заняться, и, будьте уверены, он справился. За это-то ему и платят двадцать две штуки в сезон, и, хоть я терпеть не могу этого поганца, надо признать, он свое отрабатывает. Кое-кто приезжает просто проблеваться и нанимает парня, вроде Уллмана, убирать за собой. Так и тут. Взять эту бабу — мне ровесница, как отдай, язви ее в душу! — патлы крашенные докрасна, что твой фонарь над борделем, титьки висят до пупа, потому как никакого лифчика у нее нету, вены на ногах сплошняком, здоровенные, ни дать ни взять карта из атласа дорог, побрякушки и на шее, и на руках, и в ушах болтаются. И притащила она с собой парнишку лет семнадцати, никак не больше, оброс до задницы, а ширинка выпирает, будто он туда комиксов напихал. Ну, пробыли они тут неделю, может, дней десять, и каждый день одна и та же разминка: она с пяти до семи в баре «Колорадо» сосет сладкий джин с водой и мускатом, да так, будто его завтра запретят законом, а он тянет и тянет одну бутылку «Олимпии». Она и шутит, и хохмит по-всякому, и всякий раз, как она чего-нибудь эдакое отмочит, парень скалит зубы, обезьяна хренова, будто эта баба ему к углам рта веревочки попривязывала. Только прошло несколько дней, и замечаем мы, что улыбаться ему все трудней и трудней, и Бог его знает, о чем ему приходилось думать, чтоб перед сном у него стояло. Ходили они, стало быть, обедать — он-то нормально, а ее качает из стороны в сторону, ясное дело, в стельку пьяная. А парень, как его дамочка не смотрит, то ущипнет официантку, то ей ухмыльнется. Черт, мы даже спорили, на сколько его еще хватит.

Уотсон пожал плечами.

— Потом спускается он однажды вечером, часов в десять, вниз и говорит, дескать, «жена нездорова»: понимай так, опять надралась, как каждый вечер, что они тут были, — и он, мол, едет за таблетками от желудка. И сматывается в маленьком «порше», на котором они вместе приехали. Больше мы его в глаза не видели. На следующее утро она является вниз

и пытаются дуть в ту же дудку, только чем ближе к вечеру, тем бледнее у нее вид. Мистер Уллман — чистый дипломат — спрашивает, может, ей охота, чтоб он звякнул фараонам, просто на случай, ежели парень попал в небольшую аварию или еще что. Она кидается на него, как кошка: нет-нет-нет, он отлично водит, я не тревожусь, все нормально, к обеду он вернется. И днем, что-то около трех, отправляется в «Колорадо». В десять тридцать она поднимается к себе в номер, и больше мы ее живой не видели.

— Что же случилось?

— Следователь потом говорил, что дамочка после выпивки заглотила чуть ли не тридцать пилюль для сна. На следующий день объявился муженек — юрист, крупная шишка из Нью-Йорка. Ну и задал же он перцу старине Уллману, чертям в аду жарко стало! «Возбудим дело такое, да возбудим дело сякое, да когда все кончится, вам и пары чистого белья не найти», ну и все в том же духе. Но Уллман, паскуда, хорош. Уллман его утомонил. Спросил, наверное, эту шишку, придется ли ему по вкусу, коли про его супругу пропечатают все нью-йоркские газеты: *«Жена известного нью-йоркского ля-ля найдена мертвой с полным пузом снотворных таблеток*, после того как наигралась в кошки-мышки с мальцом, который ей во внуки годится».

«Порше» легавые нашли за ночной закуской в Лайонсе, а Уллман кой на кого нажал, чтоб его отдали этому юристу. Потом они вдвоем навалились на старину Арчи Хотона, здешнего следователя, и заставили поменять вердикт на «смерть от несчастного случая». Сердечный приступ. Теперь старина Арчи катается в «крайслере». Я его не виню. Дают — бери, бьют — беги, особенно, коли с годами начинаешь обустроиваться.

Явился платок. Трубный звук. Быстрый взгляд. С глаз долой.

— И что же происходит? Где-нибудь через неделю эта тупая шлюха, горничная, Делорес Викери ее звать, убирается в номере, где жила та парочка, и вдруг начинает орать, будто ее режут, и падает замертво. А когда очухалась, то и говорит, дескать, видела в ванной голую бабу. «А лицо-то все багровое, раздутое — да еще она ухмылялась». Тут Уллман выкинул ее с работы, сунул жалованье за две недели и велел убираться с глаз долой. Я подсчитал, с тех пор как мой дед открыл этот отель в тысяча девятьсот десятом году, тут человек сорок — пятьдесят померло.

Он пронизательно взглянул на Джека:

— Знаете, как они по большей части отправляются на тот свет? От сердечного приступа или удара, когда трахают свою бабу. Таких старых дураков, что хотят гульнуть под занавес, на курортах пруд пруди. Забираются сюда, в горы, чтоб повоображать, будто им снова двадцать. Бывает, случится иногда неприятность, да только не всем ребятам, что управляли нашим отелем, удавалось скрыть это от газетчиков так же здорово, как Уллману. Так что славу себе «Оверлук» заработал ту еще, будьте спокойны. Провалиться мне, коли у хренова «Билтмора» в Нью-Йорке, ежели расспросить нужных людей, не окажется такой же славы.

— Но привидений-то нет?

— Мистер Торранс, я здесь проработал всю свою жизнь. Играл тут еще пацаном — не старше вашего сынишки с той фотки, что вы мне показывали. Но до сих пор привидений пока не видел. Хотите, пойдём со мной наружу, покажу вам сарай.

— Отлично.

Когда Уотсон потянулся, чтобы погасить свет, Джек сказал:

— Чего тут полно, так это бумага.

— А, вы это серьезно. Похоже, копились они тыщу лет. Газеты, старые счета и

квитанции, и Бог знает что еще. Папаша мой, когда тут была старая печка, здорово умел наводить порядок, но теперь никто этим не занимается. Придется мне как-нибудь нанять парня, чтобы он отволок все это вниз, в Сайдвиндер, и сжег. Коли Уллман возьмет расходы на себя. Думаю, ежели гаркнуть как следует «крыса!», он это сделает.

— Так здесь есть крысы?

— Ага, по-моему, несколько штук есть. Там у меня и крысоловки, и яд, так мистер Уллман хочет, чтоб вы это распахали по чердаку и тут, внизу. Присматривайте за своим мальцом хорошенько, мистер Торранс, вряд ли вам охота, чтоб с ним что-нибудь стряслось.

— Это уж точно.

Совет Уотсона его совершенно не уязвил. Они пошли к лестнице, задержавшись на минуту, пока Уотсон в очередной раз сморкался.

— Там найдутся все нужные инструменты и кой-какие ненужные. И еще в сарае черепица. Уллман говорил вам про нее?

— Да, он хочет, чтобы я перекрыл часть крыши в западном крыле.

— Жирный ублюдок выжмет из вас на халяву все, что можно, а весной будет ныть и скулить, что и половина работы не сделана так, как надо. Я раз ему прямо в рожу говорю, я говорю...

Пока они поднимались по лестнице, слова Уотсона постепенно затихали, сливаясь в убаюкивающее монотонное жужжание. Оглянувшись разок через плечо на непроницаемую, пахнущую плесенью тьму, Джек Торранс подумал, что если и есть на свете место, где должны водиться привидения, то это здесь. Он вспомнил про Грейди, запертого в отеле мягким, неумолимым снегом, про Грейди, который потихоньку сходил с ума, пока не совершил свое злодейство.

«Кричали они или нет? — задумался Джек. — Бедняга Грейди, каково каждый день чувствовать, как это подступает, и понять наконец — для тебя весна никогда не наступит. Ему не следовало жить здесь. И не следовало терять над собой контроль».

Когда Джек выходил за дверь вслед за Уотсоном, последние слова эхом вернулись к нему с резким треском, словно сломался карандашный грифель, — дурной знак. Господи, Джек мог напиться. Тысячу раз напиться.

4. Страна теней

В четверть пятого Дэнни сдался и отправился наверх за молоком с печеньем. Все это он проглотил, глядя в окно, потом подошел поцеловать маму, которая прилегла отдохнуть. Она предложила посидеть дома, посмотреть «Улицу Сезам» — так время пройдет быстрее, — но он решительно замотал головой и вернулся на свое место на кромке тротуара.

Было уже пять, и, хотя часов у Дэнни не было (к тому же он все равно не умел еще как следует определять, который час), ход времени он сознавал — тени удлиннились, а дневной свет приобрел золотистый оттенок.

Вертя в руках планер, он напевал себе под нос:

— Лу, беги ко мне скорей... Господин ушел чуть свет, ну а мне и горя нет... Лу, беги ко мне скорей...

Эту песенку они все вместе пели в детском саду «Джек и Джилл» в Стовингтоне. Здесь он не ходил в детский сад, потому что папе это было больше не по карману. Дэнни знал, что отец с матерью встревожены этим, встревожены тем, что это усугубляет его одиночество (а еще сильнее тем — правда, об этом не говорилось даже между ними, — что в этом Дэнни винит их), но на самом деле ему не хотелось снова ходить в «Джек и Джилл». Это для малышей. Дэнни еще не стал большим парнем, но и малышом уже не был. Большие ребята ходили в настоящую школу, и им давали горячий ленч. Первый класс. На будущий год. А в этом году он был кем-то средним между малышом и настоящим парнем. Ничего страшного. Он действительно скучал по Скотту с Энди (главным образом по Скотту), но все равно ничего страшного. Ожидать, что будет дальше, лучше в одиночку.

Насчет родителей он понимал многое и знал, что частенько им это не по вкусу, и не один раз они просто отказывались этому верить. Но в один прекрасный день поверить придется. Дэнни довольствовался ожиданием.

Плохо, конечно, что они не умели верить ему больше — особенно в таких случаях, как сейчас. Мамочка лежала дома на кровати чуть не плача — так она тревожилась о папе. Кое-какие ее тревоги были слишком взрослыми, чтобы Дэнни мог их понять, — нечто смутное, имеющее отношение к безопасности, папиному *представлению о себе*; чувство вины, гнев, страх перед тем, что с ними будет. Но сейчас маму главным образом занимали две вещи: не попал ли папа в горах в аварию (*а то с чего бы он не позвонил?*) и не отправился ли он Плохо Поступить. С тех пор как Скотти Ааронсон, который был на полгода старше, все объяснил Дэнни, тот отлично понимал, что значит Плохо Поступить. Скотти был в курсе, потому что его папа тоже Плохо Поступал. Один раз, рассказывал Скотти, папа стукнул маму прямо в глаз и сбил с ног. В конце концов из-за Плохих Поступков папа и мама Скотти *РАЗВЕЛИСЬ*, и, когда Дэнни познакомился со Скотти, тот жил уже только с мамой, а с папой виделся по выходным. *РАЗВОД* стал главным кошмаром в жизни Дэнни, это слово всегда возникало у него в голове в виде надписи, выведенной красными буквами, которые кишели шипящими ядовитыми змеями. В *РАЗВОДЕ* родители больше не живут вместе. Они тянут резину в суде (перетягивают канат? растягивают эспандер? Дэнни не знал точно, имеется ли в виду одно из этих занятий, или речь идет о чем-то другом; в Стовингтоне мама с папой, бывало, не чуждались ни того, ни другого, и для себя он решил, что возможен любой вариант), и тебе приходится уйти с кем-то одним, другого ты практически перестаешь видеть, а тот, с которым ты остался, может, если ему приспичит, выйти замуж или жениться на ком-нибудь,

кого ты даже не знаешь. Самым ужасным в *РАЗВОДЕ* было то, что это слово — или понятие, или чем уж он был в восприятии Дэнни — плавало в головах его собственных родителей, он чувствовал это; иногда — рассеянное и относительно далекое, иногда — отчетливое, все заслоняющее и пугающее, как грозовая туча. Так было после того, как папа наказал Дэнни за то, что тот перепутал бумаги в его кабинете, и доктору пришлось поместить руку мальчика в гипс. Воспоминание об этом уже почти стерлось, но мысли о *РАЗВОДЕ* помнились ясно и наводили ужас. В то время эти мысли окутывали мамочку, и он жил в постоянном страхе, что она, выдернув То Слово из своей головы, выговорит его и сделает *РАЗВОД* реальностью. *РАЗВОД*. Мысль о нем постоянно сидела в их подсознании — одна из немногих, какие он всегда умел уловить, подобно аккордам простенькой мелодии. Но, как и аккорд, центральная мысль составляла лишь основу для более сложных мыслей — мыслей, которые Дэнни пока был не в состоянии даже начать переосмысливать по-своему. Они приходили к нему просто красками и настроениями. Центром маминых мыслей о *РАЗВОДЕ* было то, что папа сделал с его рукой, и еще то, что случилось в Стовингтоне, когда папа потерял работу. Тот парень. Тот Джордж Хэтфилд, который жутко разозлился на папу и провертел дырки в шинах их «жука». Папины мысли о *РАЗВОДЕ* были сложнее, окрашены в темно-лиловый и пронизаны черными-пречерными страшными жилками. Кажется, папа думал, что им будет лучше, если он уйдет. Что исчезнет боль. Папе было больно почти все время, главным образом из-за Плохого Поступка. Постоянное страстное желание папы удалиться в уединенное местечко, смотреть цветной телевизор, есть из миски арахис и Плохо Поступать до тех пор, пока рассудок не утомится и не оставит его в покое, Дэнни удавалось уловить тоже почти всегда.

Но сегодня днем маме не стоило волноваться. Дэнни жалел, что нельзя пойти к ней и рассказать об этом. «Жук» не сломался, папа не Поступил Плохо, а ехал домой. Сейчас он тархтел по шоссе между Лайонсом и Боулдером, откуда до дома рукой подать, и о Плохом Поступке даже не думал. Он думал про... про...

Дэнни украдкой оглянулся на кухонное окно. Иногда от слишком напряженных раздумий с ним что-то случалось. Окружающее — реальность — куда-то пропадало, тогда он видел такое, чего там не было. Один раз, вскоре после того, как ему загипсовали руку, это случилось за столом, когда все ужинали. Родители тогда не очень-то много разговаривали друг с другом. Но они думали. О да. Мысли о *РАЗВОДЕ* нависли над кухонным столом, как набрякшая черным дождем туча, готовая разразиться ливнем. Было так плохо, что ему кусок не шел в горло. Когда вокруг клубился черный *РАЗВОД*, мысль о еде вызывала тошноту. Он полностью сосредоточился — ведь это казалось отчаянно важным, — и именно в тот момент что-то произошло. В реальность он вернулся, лежа на полу, картошка с бобами оказалась у него на коленях, мамочка, обняв его, плакала, а папа звонил по телефону. Дэнни был напуган, он попытался объяснить, что ничего такого в этом нет, что иногда это с ним бывает, если сосредоточиться, чтобы понять больше, чем ему обычно доступно. Он попытался объяснить насчет Тони, которого они прозвали его «невидимым приятелем».

Папа тогда сказал: «У него была Га Лу Син Нация. С виду все в порядке, но все равно я хочу, чтобы доктор его посмотрел».

После ухода доктора мамочка заставила Дэнни пообещать, что он больше никогда так не сделает, что он *НИКОГДА* их так не напугает, и Дэнни согласился. Он и сам перепугался. Потому что, когда он сосредоточился, его сознание поплыло к папе, и всего на миг — перед тем, как появился Тони, далеко-далеко, как всегда, и позвал оттуда, а что-то странное стерло

кухню и жареный ростбиф на синей тарелке, — всего на миг сознание мальчика прорвалось сквозь папину угрюмость к непонятному слову, пугавшему куда сильнее, чем *РАЗВОД*, и слово это было — *САМОУБИЙСТВО*. Оно ни разу не попадалось Дэнни в отцовских мыслях прежде, и, конечно, выискивать его он не стал. Ему было все равно, узнает он когда-нибудь точно, что значит это слово, или нет.

Но ему очень нравилось сосредоточиваться, потому что время от времени появлялся Тони. Не каждый раз. Иногда окружающее просто ненадолго становилось нечетким, плывущим, а потом прояснялось — честно говоря, чаще всего так и бывало, но иной раз у самой границы видения появлялся Тони, манящий к себе издали, зовущий...

В первый раз он гулял на заднем дворе и ничего особенного не случилось. Просто Тони поманил его, потом стало темно, а несколько минут спустя он вернулся в реальность с несколькими обрывками воспоминаний, как после путаного сна. Во второй раз, две недели назад, было интереснее. Стоя в четырех ярдах от Дэнни, Тони манил его, звал: *Дэнни... Иди посмотри...* Дэнни словно бы поднялся, а потом начал падать в глубокую нору, как Алиса в Страну Чудес. Он оказался в подвале дома, а рядом был Тони, показывающий в тень, на чемодан, в котором папа держал все важные бумаги, особенно *ПЬЕСУ*.

— Видишь? — сказал Тони далеким мелодичным голосом. — Он под лестницей. Прямо под лестницей. Грузчики сунули его прямо... под... лестницу...

Дэнни шагнул вперед рассмотреть это диво поближе, а в следующее мгновение опять началось падение — на этот раз с качелей на заднем дворе, где он просидел все это время. Стукнулся он, кстати, так, что дух вон.

Три или четыре дня спустя папа рыскал по всему дому, с яростью сообщая маме, что облазил весь проклятый подвал, чемодана там нет, и он собирается подать в суд на проклятых грузчиков, потерявших его где-то между Вермонтом и Колорадо. Как, интересно, он должен исхитриться закончить *ПЬЕСУ*, если внезапно обнаруживаются такие вещи?

— Нет, пап. Он под лестницей, — сказал тогда Дэнни. — Грузчики поставили его прямо под лестницу.

Папа странно посмотрел на него и спустился проверить. Именно на том месте, которое показал мальчику Тони, чемодан и оказался. Папа отвел Дэнни в сторонку, посадил на колени и спросил, кто пускал его в подвал. Том с верхнего этажа? В подвале опасно, сказал папа. Потому-то хозяин и держит его на замке. Может, кто-то оставил дверь незапертой, вот что хотел знать папа.

— Я рад, что документы и пьеса нашлись, но они не стоят того, чтобы тебе, Дэнни, — сказал папа, — падать с лестницы и ломать... ноги.

Дэнни честно ответил, что в подвал не ходил. Эта дверь всегда заперта. Мамочка подтвердила. Дэнни ни разу не спускался туда, потому что там темно, сыро и полно пауков. К тому же у него нет привычки врать.

— Тогда как же ты узнал, док?

— Тони показал.

Отец с матерью переглянулись поверх головы Дэнни. Такое время от времени случалось и раньше. Пугаясь, они быстро выбрасывали это из головы. Но Дэнни знал, что Тони их тревожит, особенно мамочку, и очень старался, чтобы его мысли не заставили Тони появиться там, где она могла бы его увидеть. Но сейчас он счел, что она еще не встала и не начала суетиться в кухне, поэтому сосредоточился изо всех сил — проверить, может ли понять, о чем думает папа.

Он нахмурился и сжал лежавшие на коленях грязноватые ладошки в кулаки. Глаза закрывать он не стал — это было ни к чему, — но сощурился так, что они превратились в щелки, и вообразил папин голос, голос Джека, голос Джона Дэниэла Торранса, сильный и спокойный, то изумленно повышающийся, то становящийся еще ниже от гнева, то остающийся неизменно ровным, потому что папа думал... Думал про... Думал насчет... Думал...

(думал)

Дэнни тихо вздохнул, тяжело оседая на край тротуара, словно у него исчезли все мышцы. Он был в полном сознании, видел и улицу, и парня с девушкой, которые шагали по другому тротуару, держась за руки, потому что были...

(?влюблены?)

счастливы сегодняшним днем и тем, что в этот день они вместе. Он видел осенние листья, желтые кружочки неправильной формы, гонимые ветром вдоль канавы. Он видел дом, мимо которого проходили влюбленные, и заметил, что на крыше

(Черепица. Если арматура в порядке, проблемы, по-моему, не будет. Да, верно, все будет в порядке. Этот Уотсон. Божже, что за субъект! Вот бы найти ему место в «Пьесе». Проклятие, если я не поостерегусь, кончится тем, что впихну в нее все человечество. Ага. Черепица. А гвозди тут есть? А, черт, забыл его спросить, ладно, их достать нетрудно. В Сайдвиндере магазин скобяных товаров. Осы. В это время года они строят гнезда. Может, придется прихватить одну из этих бомбочек на случай, если они окажутся там, когда я буду отдираТЬ старую черепицу. Новая черепица. Старая)

черепица. Значит, вот о чем он думает. Он получил работу и думает про черепицу. Дэнни не знал, кто такой Уотсон, но все остальное казалось достаточно понятным. Может, ему даже удастся посмотреть осиное гнездо. Не будь он

— Дэнни... Дэнни-и...

Он посмотрел на дорогу, и там, поодаль, оказался Тони, он стоял у знака «стоп» и махал рукой. Как всегда при виде старого друга на Дэнни теплой волной нахлынула радость, но на этот раз вместе с ней он словно ощутил укол страха — как будто за спиной появившегося Тони пряталось что-то мрачное, темное. Гнездо, полное ос, которые, вырвавшись, больно жалят.

Но нечего было и думать о том, чтобы не ходить.

Он еще сильнее осел на кромку тротуара, руки вяло соскользнули с колен и свесились между расставленных ног. Подбородок опустился на грудь. Потом часть существа Дэнни, не сильно и не больно дернувшись, отделилась и побежала следом за Тони в воронку тьмы.

— Дэнни-и...

Вот тьму пронзили белые крутящиеся вихри. Кашляющий, надсадный звук, гнущиеся, изломанные тени превратились в ночные ели, мотающиеся на резком воющем ветру. Танцевал, крутился снег. Снег был повсюду.

— Слишком глубокий, — сказал из темноты Тони, и в его голосе прозвучала печаль, которая привела Дэнни в ужас. — Слишком глубокий, чтобы выбраться отсюда.

Надвинулся, навис новый силуэт. Огромный и прямоугольный. Покатая крыша, неясным пятном белеющая в беснующейся тьме. Множество окон. Длинное здание с черепичной крышей. Часть черепицы была более новой и зеленой. Ее клал папа. Гвозди он покупал в Сайдвиндере. В магазине скобяных товаров. Сейчас черепицу засыпал снег. Снег засыпал все.

Вынырнув из небытия, на фасаде здания засветился зеленый ведьмин огонек, он мигнул и превратился в гигантский череп, ухмыляющийся над двумя скрещенными костями.

— Яд, — сообщил из наплывающей темноты Тони. — Яд.

Перед глазами Дэнни промелькнули другие надписи, некоторые — зелеными буквами, некоторые — на дощечках, под разными углами воткнутых в сугробы. *КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. ОПАСНО! ПРОВОД ПОД ТОКОМ. СОБСТВЕННОСТЬ КОНФИСКОВАНА. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ. ТРЕТИЙ ПУТЬ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ. НЕ ПОДХОДИТЬ. НЕ ТРОГАТЬ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. В НАРУШИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.* Он не понимал до конца ни одной надписи — он не умел читать! — но уловил их общий смысл, и в черные пустоты его тела начал наплывать смутный ужас, подобный легким коричневым спорам, гибнущим при свете солнца.

Надписи растаяли. Теперь Дэнни находился в комнате, полной незнакомой мебели, в комнате, где было темно. В окна, словно песок, билась снежная крупа. Во рту пересохло, глаза походили на горячие мраморные шарики, сердце молотом стучало в груди. Снаружи что-то глухо бухало, как будто настезь распахивали какую-то жуткую дверь. Шаги. На другой стороне комнаты было зеркало, в его дутой серебряной глубине зеленым пламенем запылало одно-единственное слово, и слово это было — ТРЕМС.

Комната растаяла. Другая комната. Эту он (узнает)

знал. Перевернутый стул. В разбитое окно, крутясь, летел снег, уже припорошив край ковра. Раздернутые шторы вкривь и вкось свисали со сломанного карниза. Низкий шкафчик лежал ящиками в пол.

Снова глухой стук, ровный, ритмичный, страшный. Бьющееся стекло. Надвигающееся разрушение. Хриплый голос, голос безумца, еще более страшный от того, что знаком:

— *Выходи! Выходи, маленький ублюдок! Получай что заслужил!*

Хрясь. Хрясь. Хрясь. Разлетающееся в щепки дерево. Зычный крик ярости и довольства. ТРЕМС. Все ближе.

Он поплыл через комнату. Картины сорваны со стен. Проигрыватель. (?мамин проигрыватель?)

перевернут, лежит на полу. Ее пластинки — Григ, Гендель, «Битлз», Арт Гарфункель, Бах, Лист — раскиданы повсюду. Зазубренные черные осколки похожи на куски пирога. Из соседней комнаты, ванной, сноп света — жесткого, белого света и мигающее красным глазком в глубине зеркальца на дверце аптечки слово: ТРЕМС, ТРЕМС, ТРЕМС...

— Нет, — прошептал он. — Нет, Тони, пожалуйста...

И свешивающаяся через белый край фарфоровой ванны рука. Мягкая, безвольная. Вниз по пальцу — среднему пальцу — медленно стекает струйка крови, капает на пол; ноготь аккуратный, ухоженный...

Нет, нет, нет, нет...

(ну, пожалуйста, Тони, ты меня пугаешь)

ТРЕМС, ТРЕМС, ТРЕМС

(перестань, Тони, перестань)

Все тает.

Стук в темноте становится громче, еще громче, отдается эхом повсюду, со всех сторон.

Теперь он в темном коридоре, в страхе вжимается в синий ковер, громада которого сплошь заткана буйными зарослями извивающихся черных силуэтов, прислушивается к

приближающемуся стуку, и вот уже Некто — неясный силуэт — сворачивает за угол и начинает подходить к Дэнни шаткой походкой, от него пахнет кровью и гибелью. В одной руке он раскачивает из стороны в сторону деревянный молоток (ТРЕМС), описывая не сулящие ничего хорошего дуги, вбивая его в стены, разрывая шелковистые обои и выколачивая призрачные облачка известковой пыли:

— *Выходи-ка, получи что заслужил! Как настоящий мужчина!*

Силуэт приближается, от него резко пахнет чем-то кисло-сладким, он огромен; молоток со злобным свистом рассекает головкой воздух, а потом врезается в стену так, что вылетает облако пыли — при вдохе обнаруживается, какая она сухая и колючая, — и раздается глухое громкое «бумм!». Крошечные красные глазки горят в темноте. Чудовище идет за ним, оно обнаружило его, зажало здесь, спиной к голой стене. А люк на потолке на замке.

Темнота. Ощущение, будто он плывет.

— Тони, пожалуйста, забери меня назад, пожалуйста...

И он *вернулся*; весь в поту, опять сидел на кромке тротуара Арапаго-стрит, взмокшая рубашка прилипла к спине. В ушах еще стоял глухой стук и пахло мочой, его собственной — в предельном ужасе он обмочил штаны. Перед глазами стояла безвольная рука, перевесившаяся через край ванны; кровь, сбегаящая вниз по среднему пальцу, и то непонятное слово, которое было куда страшнее любого другого: ТРЕМС.

И вот — солнечный свет. Все реально. Кроме Тони, стоявшего на углу шестью домами дальше, превратившегося в пятнышко, голос его был тихим, тонким и приятным.

— Осторожнее, док...

Миг — и Тони исчез, а за угол завернул папин выдавший виды «жук», тарахтя, он проехал по улице, выбрасывая назад облака синего дыма. Дэнни немедленно вскочил с тротуара, размахивая руками, приплясывая с ноги на ногу, вопя:

— Пап! Эй, пап! Эй! Привет!

Папа завернул «фольксваген» на тротуар, вырубил мотор и открыл дверцу. Дэнни ринулся было к нему — но прирос к месту, широко распахнув глаза. Душа мальчика ушла в пятки, он словно окаменел. Рядом с папой на переднем сиденье лежал молоток с короткой ручкой, к покрытой запекшейся кровью головке прилипли волосы.

В следующую секунду на этом месте оказался пакет с продуктами.

— Дэнни... док, с тобой все в порядке?

— Угу. Все о'кей. — Он подошел к папе и зарылся лицом в отделанную замшей вареную куртку, крепко-крепко-крепко обхватив его. Джек обнял малыша в ответ, слегка недоумевая.

— Эй, док, не сиди столько на солнце. Ты весь потный, с тебя просто капает.

— Кажется, я немного поспал. Пап, я люблю тебя. Я ждал.

— Я тоже люблю тебя, Дэн. Вот, привез вам кое-что. Как думаешь, ты уже достаточно большой, чтобы отнести это наверх?

— А то!

— Док Торранс, самый сильный человек в мире, — сказал Джек, взъерошив ему волосы. — Его хобби — засыпать на углах улиц.

Потом они пошли к дверям, а мама уже спустилась на крыльцо встретить их, и Дэнни встал на вторую ступеньку и смотрел, как они целуются. Они были рады видеть друг друга. Они источали любовь — как источали ее парень с девушкой, что прошли по улице, держась за руки. Дэнни обрадовался.

Пакет с продуктами, *всего лишь* пакет с едой, которую он держал в охапке, зашуршал.

Все было в порядке. Папа дома. Мама его любит. Ничего плохого. А потом не все, что Тони показывает, непременно сбывается.

Но в сердце Дэнни поселился страх: глубокий, леденящий, он гнезвился вокруг сердца и того не поддающегося расшифровке слова, которое мальчик увидел в зеркале своего духа.

5. Телефонная будка

Поставив «фольксваген» перед универмагом «Тейбл-Меса», Джек дал мотору заглохнуть. Он снова задумался, не стоит ли съездить и поменять бензонасос, и снова сказал себе, что им это не по средствам. Если автомобильчик сумеет добежать до ноября, можно будет со всеми почестями отправить его на покой. К ноябрю здесь, в горах, будет столько снега, что «жук» утонет целиком... а может, утонут и три «жука», поставленные друг на дружку.

— Оставайся в машине, док. А я принесу тебе конфету.

— А почему с тобой нельзя?

— Мне надо позвонить по личному делу.

— Поэтому ты не позвонил из дома?

— Точно.

Несмотря на их тающие финансы, Венди настояла на том, чтобы телефон в доме был. Она доказывала, что с маленьким ребенком — особенно с таким малышом, как Дэнни, который иногда страдает обмороками, — нельзя позволить себе не иметь телефона. Поэтому Джек раскошелся на тридцать долларов за установку аппарата — уже скверно — и на девяносто за страховку, что нанесло по бюджету действительно ощутимый удар. Но до сих пор телефон молчал как рыба, не считая двух раз, когда ошибались номером.

— Пап, а можно мне «Бэби Рут»?

— Можно. Сиди спокойно и не балуйся с переключением передач. Ладно?

— Ладно. Я карты посмотрю.

— Давай.

Джек вылез из машины, а Дэнни открыл «бардачок» «жука» и вытащил пять потрепанных карт расположения бензоколонок: Колорадо, Небраска, Юта, Вайоминг и Нью-Мексико. Он обожал дорожные карты, обожал водить пальцем вдоль трасс. По мнению Дэнни, в переезде на Запад самым хорошим были новые карты.

Джек сходил к аптечному киоску, купил Дэнни конфету, а себе газету и экземпляр октябрьского «Писательского дайджеста». Дав девушке пятерку, он попросил сдачу четвертаками. Зажав мелочь в руке, он направился к стоявшей возле изготавливающего ключи автомата телефонной будке и протиснулся внутрь. Отсюда через три стекла был виден сидящий внутри «жука» Дэнни. Голова мальчика прилежно склонилась над картами. Джек чувствовал, как его захлестнула волна граничащей с отчаянием любви к мальчугану, отчего лицо приняло каменно-угрюмое выражение.

Он полагал, что выразить Элу обязательную благодарность можно и из дома — разумеется, он не собирался говорить то, что могло вызвать возражения у Венди. Но гордость Джека сказала: нет. Теперь он почти всегда прислушивался к тому, что подсказывала ему гордость, ведь, кроме жены с сыном, шестиста долларов на текущем счете и потрепанного «фольксвагена» 68-го года, у него осталась только гордость. Да и счет-то был объединенным. Год назад он преподавал английский в одной из лучших частных школ Новой Англии. И друзья там были — правда, не совсем такие, с которыми Джек знался до того, как бросил пить, но посмеяться было с кем; были приятели — коллеги по факультету, восхищавшиеся его искусным обращением с классом и личным пристрастием к писательскому ремеслу. Шесть месяцев назад дела шли очень хорошо. Вдруг оказалось, что каждые две недели от

жалованья остается достаточно денег, чтобы начать делать небольшие сбережения. В дни, когда Джек пил, ни разу не удавалось отложить ни гроша, хотя выпивку почти всегда ставил Эл Шокли. Джек с Венди начали осторожно поговаривать, не поискать ли дом и не выплатить ли примерно в течение года первый взнос. Ферма в деревне. Шесть или восемь лет на то, чтоб полностью ее обновить — да черт возьми, они были молоды, у них было время.

Потом он вышел из себя.

Джордж Хэтфилд.

Запах надежды обернулся запахом старой кожи в кабинете Кроммерта, все вместе напоминало одну из сцен его собственной пьесы: на стенах — старые портреты прежних директоров Стовингтона, гравюры с изображением школы, какой та была в 1879 году, когда ее только построили, и в 1895-м, когда деньги Вандербильда позволили выстроить закрытый манеж, — он до сих пор стоял на западном краю футбольного поля, приземистый, необъятный, увитый плющом. Апрельский плющ шелестел за приоткрытым окном у Кроммерта, из радиатора доносился навевающий дремоту шум парового отопления. Джек вспомнил, о чем подумал тогда: «Это не на сцене. Это по-настоящему. Моя жизнь. Как можно было пустить ее коту под хвост?»

— Джек, положение серьезное. Очень серьезное. Совет попросил меня сообщить вам о своем решении.

Совет желал, чтобы Джек оставил должность, и Джек пошел им навстречу. В иных обстоятельствах срок его контракта закончился бы в июне этого года.

За беседой в кабинете Кроммерта последовала самая темная, самая страшная ночь в жизни Джека. Желание, *потребность* напиться никогда еще не были столь сильны. Руки тряслись. Он бродил, натываясь на предметы, переворачивая их. А еще его не покидало желание сорвать все на Венди с Дэнни. Его норы были подобны злобному зверю на перетершейся привязи. Перепугавшись, как бы не ударить их, Джек сбежал из дома. Кончилось все у входа в бар. От того, чтобы зайти внутрь, Джека удержало только одно: он понимал, что стоит сделать это — и Венди навсегда уйдет, а Дэнни заберет с собой. Он же с момента их ухода превратится в мертвеца.

Вместо того чтобы зайти в бар, где темные силуэты смаковали приятные воды забвения, он направился домой к Элу Шокли. Совет проголосовал: шесть — против, один — за. Этим одним и был Эл...

Джек набрал номер оператора, и та сообщила, что за один доллар восемьдесят центов можно на три минуты связаться с Элом. «Время, детка, штука относительная», — подумал он и бросил в автомат восемь четвертаков. Пока его вызов пробирался на восток, слышались то высокие, то низкие электронные гудки.

Отцом Эла Шокли был Артур Лонгли Шокли, стальной барон. Своему единственному сыну, Элберту, он оставил состояние и огромное количество разнообразнейших капиталовложений и директорских постов в различных советах. В том числе — в Совете директоров Стовингтонской подготовительной академии, любимого объекта благотворительности старика. И Артур, и Элберт Шокли были ее бывшими питомцами, вдобавок Эл жил в Барре, достаточно близко, чтобы лично проявлять интерес к школьным делам. В течение нескольких лет Эл работал в Стовингтонской школе тренером по теннису.

Джек подружился с Элом самым естественным и неслучайным образом: на всех многочисленных факультетских и школьных вечеринках, которые оба активно посещали, они

неизменно оказывались самыми пьяными. Шокли разошелся с женой, да и семейная жизнь Джека медленно катилась под горку, хотя он все еще любил Венди и не один раз искренне обещал измениться ради нее и малыша Дэнни.

Много раз после преподавательской вечеринки оба упорно гнули свое, перебираясь из бара в бар, пока те не закрывались, а потом останавливались у какой-нибудь семейной лавочки купить ящик пива, чтоб выпить его, остановив машину в каком-нибудь тупике. Случалось, Джек, спотыкаясь, вваливался в арендуемый им домик, когда утренняя заря уже разливалась по небу, и обнаруживал, что Венди с малышом спят на кушетке, Дэнни — всегда у спинки, сунув Венди под подбородок крошечный кулачок. Он смотрел на них, и отвращение к себе подкатывало к горлу горькой волной, перешибавшей даже вкус пива, сигарет и мартини — «марсиан», как называл их Эл. В такие минуты мысли Джека вполне разумно и трезво сворачивали на пистолет, веревку или бритву.

Если попойка приходилась на воскресный вечер, он часа три спал, вставал, одевался, глотал четыре таблетки экседрина и, не протрезвев, отправлялся к девяти часам давать уроки американской поэзии. Здравствуйте, ребята, сегодня Красноглазое Чудо расскажет вам, как во время великого пожара Лонгфелло лишился жены.

«Я не верил, что стал алкоголиком», — подумал Джек, слушая, как зазвонил телефон Эла Шокли. Пропущенные уроки или уроки, на которых от небритого Джека все еще разило ночными «марсианами». Только не я — я-то могу бросить в любой момент. Ночи, которые они с Венди провели в разных постелях. Слушай, я в порядке. Размозженное крыло машины. Конечно, я в состоянии вести. Слезы, которые Венди каждый раз проливала в ванной. Осторожные взгляды коллег на любой вечеринке, где подавали спиртное, даже если это было вино. Медленно забрезжившее осознание того, что о нем говорят. Понимание, что из его «Ундервуда» выходят только почти пустые листы, заканчивающие свое существование бумажными комками в корзине для мусора. Когда-то он был выгодным приобретением для Стовингтона: может стать, медленно расцветающий американский писатель, и уж точно — человек, достаточно квалифицированный для преподавания таинственного предмета — писательского мастерства. Он уже опубликовал две дюжины рассказов, работал над пьесой и полагал, что где-то в каком-то дальнем уголке сознания, возможно, зреет роман. Но теперь Джек ничего не создавал, а преподавательская деятельность стала странной и беспорядочной.

Закончилось все это однажды вечером — не прошло еще и месяца с тех пор, как Джек сломал сыну руку. Тут и конец семейной жизни, казалось ему. Венди оставалось лишь собраться с силами... он знал, не будь ее мать первостатейной стервой, автобус увез бы Венди обратно в Нью-Хэмпшир, как только Дэнни оказался бы в состоянии путешествовать. С браком было бы покончено.

Тогда, в первом часу ночи, Джек с Элом въезжали в Барр по дороге номер 31. За рулем «ягуара» находился Эл, который странным образом вписывался в повороты, иногда пересекая двойную желтую линию. Оба были пьяны вдрызг, этой ночью «марсиане» приземлились, полные сил. Последний изгиб дороги перед мостом они проехали на семидесяти, и там оказался детский велосипед; потом — резкий, мучительный, пронзительный визг раскромсанной резины на шинах «ягуара». Джек помнит, как увидел похожее на круглую белую луну лицо Эла, смутно маячившее над крутящимся рулем. На сорока милях в час они со звоном и треском врезались в велосипед, и тот погнутой, искореженной птицей взлетел в воздух, ударил рулем в ветровое стекло и тут же снова

очутился в воздухе, а перед вытаращенными глазами Джека осталось испещренное звездочками трещин ветровое стекло. Чуть позже раздался последний страшный удар, это велосипед приземлился позади них на дорогу. Шины прошлись по чему-то, глухо стукнувшись о днище. «Ягуар» развернуло поперек дороги. Эл все еще рулил, и откуда-то издалека до Джека донесся его собственный слабый голос:

— Господи, Эл. Мы его переехали. Я чувствую.

Телефон продолжал звонить прямо в ухо. *Давай, Эл. Останови. Я с этим разберусь.*

Эл остановил дымящуюся машину в каких-нибудь трех футах от опоры моста. Две шины «ягуара» были спущены. Горелая резина оставила стотридцатифутовый петляющий, мечущийся из стороны в сторону след. Переглянувшись, они бросились обратно, в холодную тьму.

От велосипеда ничего не осталось. Одно колесо отвалилось, и, оглянувшись через плечо, Джек увидел, что оно лежит посреди дороги, оцетинившись полудюжиной похожих на рояльные струны спиц. Запинаясь, Эл выговорил:

— По-моему, на него мы и наехали, Джекки.

— Где же тогда ребенок?

— Ты *видел* ребенка?

Джек нахмурился. Все произошло безумно быстро. Они выскочили из-за угла. В свете фар «ягуара» смутно увидели велосипед. Эл что-то проорал. Они налетели на него и долго скользили юзом.

Они перенесли велосипед на обочину. Эл вернулся к «ягуару» и включил все четыре фары. Следующие два часа они обыскивали дорогу, пользуясь мощным четырехкамерным фонариком. Ничего. Несмотря на поздний час, мимо севшего на мель «ягуара» и двух мужчин с раскачивающимся фонарем проехало несколько машин. Ни одна не остановилась. Позже Джеку приходило в голову, что, по странной прихоти, Провидение, стремясь дать им обоим последний шанс, не подпустило туда полицию и удержало всех проезжающих от того, чтобы их окликнуть.

В четверть третьего они вернулись к «ягуару», трезвые, но ослабевшие до тошноты.

— Что же этот велик делал посреди дороги, если на нем кто-то ехал? — требовательно спросил Эл. — Он же не на обочине лежал, а прямехонько *посреди* этой чертовой дороги.

Джек сумел только помотать головой.

— Ваш абонент не отвечает, — раздался голос оператора. — Хотите, чтобы я продолжала вызывать?

— Еще парочку звонков, мисс. Можно?

— Да, сэр, — отозвался исполненный сознания своего долга голос.

Давай, Эл!

Эл пешком перебрался на другую сторону моста к ближайшей телефонной будке, позвонил приятелю-холостяку и сказал, что, если тот вытащит из гаража зимние шины для «ягуара» и привезет их на 31-е шоссе к мосту за Барром, то получит пятьдесят долларов. Приятель объявился через двадцать минут, одетый в джинсы и пижамную куртку.

— Прикончили кого-нибудь? — спросил он, оглядев место происшествия.

Эл уже поднимал домкратом заднюю часть машины, а Джек отвинчивал гайки.

— К счастью, нет, — ответил Эл.

— Ладно, по-моему, мне все равно лучше двигать обратно. Заплатишь завтра.

— Отлично, — произнес Эл, не поднимая глаз.

Вдвоем они без происшествий сменили шины и вместе поехали домой к Элу Шокли. Эл поставил «ягуар» в гараж и вырубил мотор.

В темноте и тишине он сказал:

— Я завязываю, Джекки. Хватит, приехали. Сегодня я убил своего последнего «марсианина».

И теперь, потев в телефонной кабине, Джек вдруг подумал, что никогда не сомневался — Эл способен довести дело до конца.

Домой он тогда поехал на своем «фольксвагене», включил радио, и, словно чтобы охранить предрассветный дом, какая-то группа снова и снова принялась повторять нараспев: *Будь что будет, так и сделай... тебе же охота... будь что будет, так и сделай. Тебе же охота...*

Не важно, громко ли прозвучали пронзительный визг шин и удар. Стоило зажмуриться — и Джек видел то единственное смятое колесо. Поломанные спицы торчали в небо.

Когда он вошел в дом, Венди спала на диване. Он заглянул в комнату к Дэнни, тот лежал на спине в своей кровати, погруженный в глубокий сон, рука все еще покоилась в гипсе. В просачивающемся с улицы мягком свете фонарей Джеку были видны темные строчки на известковой белизне — там, где на гипсе расписались врачи и сестры педиатрии.

Это несчастный случай. Он упал с лестницы.

(ах ты грязный лжец)

Это несчастный случай. Я вышел из себя.

(ты, грязный пьяница, кому ты нужен, видно, когда-то Господь высморкал из носа соплю — так это был ты)

Послушайте, эй, ну ладно, пожалуйста, просто несчастный случай...

Но перед глазами встал прыгающий в руках фонарь — и последняя мольба улетела прочь. Они тогда рыскали в высохших к концу ноября сорняках, искали распростертое тело, которое, по всем канонам, должно было там оказаться, и ждали полицию. Не важно, что за рулем был Эл. Бывали и другие вечера, когда машину вел Джек.

Он натянул на Дэнни одеяло, прошел в спальню и с верхней полки шкафа достал «спэниш льяму» тридцать восьмого калибра. Пистолет хранился в коробке из-под ботинок. Он битый час просидел на кровати, не выпуская револьвера из рук, зачарованный смертоносным блеском.

Уже светало, когда Джек сунул его обратно в коробку, а коробку — обратно в шкаф.

В то утро он позвонил начальнику отдела Брюкнеру и попросил перенести его уроки. У него грипп. Брюкнер согласился — совсем не так вежливо, как это обычно принято. В последний год Джек Торранс был в высшей степени подвержен гриппу.

Венди сделала ему яичницу и кофе. Они ели в молчании. Оно нарушалось лишь шумом на заднем дворе, где Дэнни здоровой рукой радостно гонял грузовики через кучу песка.

Венди взялась мыть посуду. Не оборачиваясь, она сказала:

— Джек. Я тут думала...

— Правда? — Дрожащими руками он зажег сигарету. Странно, но в это утро никакого похмелья не было. Только дрожь. Он моргнул. В наступившей на краткий миг тьме на ветровое стекло налетел велосипед, стекло покрылось трещинками. Шины взвизгнули. Запрыгал фонарь.

— Я хотела поговорить с тобой о том... о том, как нам с Дэнни будет лучше. Может быть, и тебе тоже. Не знаю. Наверное, надо было поговорить об этом раньше.

— Сделаешь кое-что для меня? — спросил он, глядя на дрожащий кончик сигареты. — Одно одолжение?

— Какое? — Голос Венди был безрадостным, бесцветным. Он посмотрел ей в спину.

— Давай поговорим об этом ровно через неделю. Если у тебя еще будет желание.

Теперь она повернулась к нему, руки были в кружеве мыльной пены, хорошенькое личико — бледным и лишенным иллюзий.

— Джек, твои обещания ничего не стоят. Ты просто-напросто продолжаешь свое...

Она замолчала, замороженно глядя ему в глаза, внезапно потеряв уверенность.

— Через неделю, — сказал он. Его голос утратил силу и упал до шепота. — Пожалуйста. Я ничего не обещаю. Если у тебя тогда еще будет желание поговорить, мы поговорим. Обо всем, о чем захочешь.

Они долго смотрели друг другу в глаза через залитую солнцем кухню. Когда она, не сказав больше ни слова, вернулась к посуде, Джека затрясло. Господи, как ему надо было выпить! Один только маленький плоточек, просто чтобы все стало на свои места...

— Дэнни приснилось, что ты попал в аварию, — отрывисто сообщила она. — Иногда ему снятся забавные сны. Он рассказал об этом сегодня утром, когда я его одевала. А, Джек? Ты попал в аварию?

— Нет.

К полудню страстное желание выпить перешло в легкую лихорадку. Он поехал к Элу домой.

— Сухой? — спросил Эл, прежде чем впустить его. Выглядел Эл ужасно.

— Суше некуда. Ты похож на Лона Чейни в «Призраке оперы».

— Ну, давай заходи.

Весь день они на пару играли в вист. И не пили.

Прошла неделя. Разговаривали они с Венди не слишком-то много. Но Джек знал, что она недоверчиво наблюдает за ним. Он глотал кофе без сахара и нескончаемое количество кока-колы. Однажды вечером он выпил целую упаковку — шесть банок, — а потом помчался в ванную и все выbleвал. Уровень спиртного в стоявших в домашнем баре бутылках не снижался. После уроков он отправлялся домой к Элу Шокли — такой ненависти, как к Элу Шокли, Венди в жизни ни к кому не испытывала! — а когда возвращался домой, она готова была поклясться, что от Джека пахнет скотчем или джином, но он внятно беседовал с ней до ужина, пил кофе, после ужина играл с Дэнни, делясь с ним кока-колой, читал ему на ночь сказки, потом садился проверять сочинения, поглощая при этом черный кофе чашку за чашкой, и Венди пришлось признаться самой себе, что она была права.

Недели шли. Невысказанные слова перестали вертеться на кончиках языков. Джек чувствовал, как они отступают, но знал, что окончательно они не отступят никогда. Дела пошли получше. Потом Джордж Хэтфилд. Джек снова вышел из себя, но на сей раз был трезв как стеклышко.

— Сэр, ваш абонент по-прежнему не...

— Алло? — запыхавшийся голос Эла.

— Прошу, — строго сказала оператор.

— Эл, это Джек Торранс.

— Джекки! — Неподдельная радость. — Как дела?

— Неплохо. Я звоню просто сказать спасибо. Меня взяли на эту работу, лучше и быть не может. Если, запертый снегом на всю зиму, я не сумею закончить пьесу, значит, мне ее не

закончить никогда.

— Закончишь.

— Как ты?

— Сухой, — ответил Эл. — Ты?

— Как осенний лист.

— Сильно тянет?

— Каждый Божий день.

Эл рассмеялся:

— Это нам знакомо. Не понимаю, как ты не взялся за старое после этого Хэтфилда,

Джек. Это было выше моего понимания.

— Что подделаешь, сам себе подгадил.

— А, черт. К весне я соберу Совет. Эффинджер уже говорит, что, может, они слишком поторопились. А если из пьесы что-нибудь получится...

— Да. Слушай-ка, Эл, у меня там в машине мальчуган. Похоже, он забеспокоился.

— Конечно. Понял. Хорошей зимы, Джек. Рад был помочь.

— Еще раз спасибо, Эл. — Он повесил трубку, закрыл глаза, стоя в душевой кабине, и опять увидел, как машина сминая велосипед, как подпрыгивает и ныряет фонарик. В газете на следующий день появилась заметочка — пустяковая, просто заполнившая пустое место, — но владельца велосипеда не назвали. Почему велик валялся там ночью, навсегда останется для них тайной, и возможно, так и должно быть.

Он вернулся к машине и сунул Дэнни слегка подтаявшую «Бэби Рут».

— Пап.

— Что, док?

Дэнни помедлил, глядя в отсутствующее лицо отца.

— Пока я ждал, когда ты вернешься из отеля, мне приснился плохой сон. Помнишь? Когда я заснул?

— Угу.

Но толку не было. Папа думал о чем-то другом, не о Дэнни. Он снова думал про Плохой Поступок.

(мне приснилось, что ты сделал мне больно, папа)

— Что же тебе приснилось, док?

— Ничего, — сказал Дэнни. Когда они выезжали со стоянки, он сунул карты обратно в «бардачок».

— Точно?

— Ага.

Джек с легким беспокойством взглянул на сына и вернулся мыслями к пьесе.

6. Ночные мысли

Кончив заниматься любовью, ее мужчина уснул рядом с ней.

Ее мужчина.

Она чуть улыбнулась в темноте. Его семя теплой медленной струйкой еще стекало меж ее слегка разведенных бедер. Улыбка вышла и полной жалости, и довольной одновременно, потому что понятие *ее мужчина* включало в себя сотню различных чувств. Каждое из них, рассмотренное отдельно, вызывало недоумение. Вместе, в плывущей ко сну темноте, они напоминали далекий блюз, звучащий почти в пустынном ночном клубе — грустный, но приятный.

*Я люблю тебя, милый, ты знаешь,
да что толку, не легче ничуть:
взять в любовницы — ты не желаешь,
в собачонки сама не хочу.*

Чье это, Билли Холлидея? Или автор — кто-то более прозаический, вроде Пегги Ли? Какая разница. Грустная сентиментальная мелодия мягко звучала в голове у Венди, как будто в клубе за полчаса до закрытия играл старый музыкальный автомат — например, «Вурлитцер».

Сейчас, отключаясь от окружающего, она задумалась, в скольких же постелях ей приходилось спать с мужчиной, что лежит рядом. Они познакомились в колледже и сперва занимались любовью у него на квартире... Тогда не прошло еще и трех месяцев с тех пор, как мать, выкинув ее из дома, велела никогда там не показываться и добавила, что если Венди куда-то собирается, то может ехать к своему папочке, потому что это из-за нее они развелись. Было это в семидесятом году. Неужели так давно? В следующем семестре они с Джеком съехались, нашли работу на лето и, когда начался выпускной курс, сняли квартиру. Яснее всего она помнила большую двуспальную продавленную кровать. Когда они занимались любовью, ржавая металлическая сетка поскрипывала в такт. Той осенью ей наконец удалось вырваться от матери. Джек ей помог. «Она по-прежнему хочет доставать тебя, — сказал он. — Чем чаще ты будешь ей звонить, чем чаще будешь приползать обратно, выпрашивая прощение, тем больше у нее окажется возможностей шпынять тебя отцом. Ей это во благо, Венди, потому что так и дальше можно верить, что всему виной ты. Но тебе это не на пользу». В тот год они без конца говорили об этом в постели.

(Джек сидит на кровати, натянув до пояса простыню, в пальцах тлеет сигарета, он смотрит ей прямо в глаза, полунасмешливо, полусердито, и говорит: *Она велела тебе никогда там не показываться, верно? Носа туда не совать, так? Тогда почему она не вешает трубку, если знает, что звонишь ты? Почему только твердит, что не пустит тебя в дом со мной? Да потому, что считает, что я могу подпортить ей всю музыку. Она хочет по-прежнему капать тебе на мозги, детка. Идиотизм — позволять ей это. Она велела тебе больше никогда туда не возвращаться, так отчего бы не поймать ее на слове? Забудь об этом.* В конце концов Венди и сама стала так же смотреть на ситуацию)

Джеку принадлежала идея расстаться на некоторое время — «чтобы понять, какова перспектива наших отношений», сказал он. Венди боялась, что он заинтересовался кем-то

еще. Позже выяснилось, что это не так. Весной они опять были вместе, и Джек спросил, не хочет ли она повидаться с отцом. Венди дернулась, как от удара хлыста.

Как ты узнал?

Тень знает все.

Ты что, шпионил за мной?

И его нетерпеливый смешок, от которого Венди всегда делалось неловко, как будто она восьмилетняя крошка и причины ее поступков понятны Джеку лучше, чем ей самой.

Тебе нужно было время, Венди.

Для чего?

По-моему... чтобы понять, за кого из двоих ты хочешь выйти.

Джек, что ты болтаешь?

Похоже, делаю тебе предложение.

Свадьба. Отец там был, а мать — нет. Она обнаружила, что с Джеком может пережить и это. Потом появился Дэнни, ее милый сынок.

Тот год был самым лучшим, и в постели тоже так хорошо никогда не бывало. После рождения Дэнни Джек нашел ей работу — печатать на машинке для полудюжины сотрудников кафедры английского языка: проверочные вопросы, экзаменационные билеты, расписание уроков, рабочие заметки, списки. Наконец, одному из них она перепечатала роман — роман, который, к крайне непочтительной и очень личной радости Джека, так и не опубликовали. За работу платили сорок долларов в неделю, а потом за те два месяца, что она перепечатывала неудавшийся роман, плата взлетела до шестидесяти. Они купили свою первую машину, пятилетний «бьюик» с детским сиденьем в середине. Расторопные, смышленные, легкие на подъем молодые супруги. Из-за Дэнни между Венди и матерью наступило вынужденное перемирие — напряженное, не слишком-то веселое, но все-таки перемирие. Когда она возила Дэнни к бабушке, то Джека с собой не брала. И не рассказывала ему, что мать, хмурясь, всякий раз перепеленывала Дэнни заново и всегда умела найти у него на попке или в промежности первое свидетельство обвинения — пятнышко сыпи. Мать никогда ничего не говорила прямо, и все-таки до Венди дошло: примирение уже стоит ей ощущения, что она, Венди, плохая мать и, может быть, эту цену ей придется выплачивать всю жизнь. Мать всегда находила, чем ее достать.

Днем Венди сидела дома, хозяйничала, кормила Дэнни из бутылочки в омытой солнцем кухне четырехкомнатной квартиры на третьем этаже, слушая пластинки на портативном, работающем от батареек, стереопроеигрывателе, который купила, еще будучи студенткой. Джек приходил домой в три (или в два, если считал, что последний урок можно сократить) и, пока Дэнни спал, уводил ее в спальню, тогда страхи насчет того, что она плохая мать, стирались.

По вечерам, пока Венди печатала, Джек писал и занимался своими заданиями. В те дни, бывало, выйдя из спальни, где стояла машинка, она заставляла обоих спящими на диване в кабинете — Дэнни, засунув большой палец в рот, уютно возлежал на груди раздетого до трусов Джека. Она переносила Дэнни в кроватку, прочитывала, что Джек написал за вечер, и только потом будила его, чтобы он перешел в спальню.

Лучший год, лучшая постель.

Будет и на нашей улице праздник...

В те дни Джек еще справлялся со своей тягой к спиртному. В субботу вечером забегала компания друзей-студентов, появлялся ящик пива, начинались споры, в которых Венди почти не участвовала — ведь сама она занималась социологией, а Джек — английским. Спорили насчет того, литературным или историческим произведением считать дневники Пеписа, обсуждали поэзию Чарлза Олсона, иногда читали куски еще не законченных работ. Спорили на сотни тем. Нет, на тысячи. Необходимости участвовать она не ощущала — достаточно было примоститься в кресле-качалке рядом с Джеком, который по-турецки сидел на полу, держа в одной руке пиво, а другой нежно обхватив ее икру или лодыжку.

В Нью-Хэмпширском университете шла ожесточенная борьба за лидерство, а Джек нес дополнительное бремя — он писал. Каждый вечер он тратил на это не меньше часа. Это было его рутиной. А субботние посиделки — необходимым лечением. На них Джек давал выход энергии, которая иначе могла бы накапливаться до тех пор, пока он не взорвался бы.

Заканчивая диплом, он получил работу в Стюингтоне, главным образом благодаря своим рассказам — к тому времени было опубликовано уже четыре, один — в «Эсквайре». Венди достаточно ясно помнила тот день — на то, чтобы забыть, трех лет мало. Она чуть не выбросила письмо, решив, что это — очередное предложение подписки. Но, вскрыв конверт, обнаружила внутри письмо, извещающее, что «Эсквайр» в начале следующего года хотел бы использовать рассказ Джека «Что касается черных дыр». Они заплатят девятьсот долларов не за публикацию, а за согласие. Почти половину того, что она зарабатывала за год, перепечатывая разные бумажки, и Венди полетела к телефону, оставив Дэнни, комично тарашившего глазенки ей вслед, сидеть в высоком стульчике с перемазанной пюре из говядины с горохом рожницей.

Через сорок пять минут из университета прибыл Джек, «бьюик» оседал под тяжестью семи приятелей и бочонка пива. После церемониального тоста (Венди тоже пропустила стаканчик, хотя обычно была равнодушна к пиву) Джек подписал соглашение, положил в конверт с обратным адресом и отправился бросить его в ящик в конце квартала. Когда он вернулся, то, остановившись в дверях, с серьезным видом произнес: «Вени, види, вици». Раздались приветственные крики и аплодисменты. К одиннадцати вечера бочонок опустел, и тогда Джек и те двое, что все еще были транспортабельны, отправились по барам.

Внизу, в холле, Венди отошла с ним в сторонку. Те двое уже вышли и сидели в машине, пьяными голосами распевая нью-хэмпширский боевой гимн. Джек, стоя на одном колене, угрюмо возился со шнурками мокасин.

— Джек, — сказала она. — Не надо. Ты даже шнурки завязать не можешь, что уж говорить про машину.

Он поднялся и спокойно положил ей руки на плечи:

— Сегодня вечером я луну с неба могу достать, если захочу!

— Нет, — сказала она. — Нет, ни за какие рассказы в «Эсквайре» на свете!

— Вернись не поздно.

Но вернулся он только в четыре утра; спотыкаясь и бормоча, поднялся по лестнице и, ввалившись в комнату, разбудил Дэнни. Попытавшись успокоить малыша, он уронил его на пол. Венди вылетела как сумасшедшая, первым делом подумав о том, что скажет ее мамочка, если увидит синяк, а уж потом про все остальное, — Господи, помоги, Господи, помоги нам обоим, — и, подхватив Дэнни, уселась с ним в качалку, убаюкала. Почти все пять часов, пока Джека не было, она думала в основном о своей матери и ее пророчестве, что из Джека никогда ничего не выйдет. *Наполеоновские планы*, сказала мать. *А то как же. В*

благотворительных комитетах полно кретинов с наполеоновскими планами. Доказывал ли рассказ в «Эсквайре» правоту матери, или напротив? *Уиннифред, ты неправильно держишь ребенка. Дай его мне.* А мужа она держит правильно? Иначе зачем ему уходить со своей радостью из дома? В Венди поднялся беспомощный ужас, и ей даже не пришло в голову, что Джек ушел по причинам, не имеющим к ней никакого отношения.

— Поздравляю, — сказала она, укачивая Дэнни. Тот уже почти уснул. — Может быть, ты устроил ему сотрясение мозга.

— Просто шишку. — В угрюмом тоне сквозило желание казаться раскаявшимся: маленький мальчик. На мгновение Венди почувствовала ненависть.

— Может быть, — непроницаемо сказала она. — А может быть, и нет. — Она столько раз слышала, как точно таким тоном мать разговаривала с ее сбежавшим отцом, что ей стало не по себе, и она испугалась.

— Яблочко от яблони, — пробормотал Джек.

— Иди спать! — крикнула она, страх вырвался наружу, превратившись в гнев. — Иди спать, ты пьян!

— Не указывай мне, что делать.

— Джек... пожалуйста, нам не стоит... это... — Слов не было.

— Не указывай, что мне делать, — зловеще повторил он и ушел в спальню. Венди осталась в качалке одна, Дэнни снова спал. Через пять минут в гостиную донесся храп Джека. Это была первая ночь, которую она провела на диване.

Теперь она, засыпая, беспокойно ворочалась в постели. Освобожденные вторгшимся в них сном от какого бы то ни было стройного течения, мысли поплыли, минуя первый год их жизни в Стовингтоне и все хуже идущие дела, дела, пришедшие в полный упадок, когда муж сломал Дэнни руку, к тому утру, когда они завтракали в уединении.

Дэнни во дворе играл с грузовиками на куче песка, рука все еще была в гипсе. Джек сидел за столом бледный, посеревший, в пальцах дрожала сигарета. Венди решила попросить развода. Вопрос она уже рассмотрела под сотней различных углов — честно говоря, рассуждать на эту тему она начала за полгода до сломанной руки. Она внушила себе, что, если бы не Дэнни, приняла бы решение давным-давно — впрочем, это могло и не быть правдой. Долгими ночами, когда Джека не было дома, она грезила, и всегда ей виделось лицо матери, а еще собственная свадьба.

(Кто вручает эту женщину? Отец стоял в своем лучшем костюме — не бог весть каком, конечно, он работал коммивояжером, развозящим партии консервированных товаров, и уже тогда начинал разоряться, — усталое лицо казалось таким старым, таким бледным: Я вручаю).

Даже после несчастного случая — если это можно было назвать несчастным случаем — Венди была не в состоянии посмотреть правде в глаза, признать, что замужество оказалось с изъяном. Она ждала, молча надеясь, что случится чудо и Джек осознает происходящее не только с ним, но и с ней. Но он и не думал притормаживать. Рюмочка перед уходом в академию, два или три стакана пива за ленчем в «Стовингтон-хаус». Три или четыре бокала martini за обедом. Пять или шесть, когда Джек проверял работы и выставлял оценки. В выходные дни бывало хуже. В те вечера, что он проводил вне дома с Элом Шокли, — еще хуже. Она и представить себе не могла, что физически здоровому человеку жизнь может причинять такую боль. Боль она ощущала постоянно. Насколько в этом была виновата она сама? Этот вопрос преследовал Венди. Она чувствовала себя своей матерью. Отцом. Иногда,

когда Венди чувствовала себя самой собой, она недоумевала, что с ними станет. Она не сомневалась, что мать возьмет ее к себе, а через год, в течение которого Венди будет наблюдать, как Дэнни заново перепеленывают, готовят ему новую еду или заново кормят, в течение которого будет приходиться домой и обнаруживать, что у него другая одежда или стрижка, а книжки, которые мать сочла неподходящими, отправились на забитый хламом чердак... через полгода такой жизни у нее произойдет полный нервный срыв. А мать успокаивающе похлопает ее по руке и скажет: *Хоть ты и не виновата, винить больше некого. Когда ты встала между отцом и мной, ты показала свою натуру. Ты всегда была упрямой.*

Мой отец, отец Дэнни. Мой, его.

(Кто вручает эту женщину? Я вручаю. Он умер от сердечного приступа полгода спустя.)

Той ночью она почти до самого прихода Джека, до утра, пролежала без сна, думая, принимая решение.

Развод необходим, сказала она себе. Мать и отец тут ни при чем. Так же, как чувство вины Венди относительно их брака и ощущение собственной неполноценности. Если она собиралась хоть что-то спасти в своей жизни, то ради Дэнни, ради нее самой развод был необходим. Надпись на стене была жестокой, но ясной. Ее муж — пьяница. Теперь, когда он так сильно пьет и ему так плохо пишется, он не в состоянии контролировать свой скверный характер. Случайно или не случайно, но он сломал Дэнни руку. Он вот-вот потеряет работу, если не в этом году, так в следующем. Венди уже заметила обращенные к ней сочувствующие взгляды жен других преподавателей. Она сказала себе, что, пока могла, держалась за это черт знает что — свою семейную жизнь. Теперь с ней придется покончить. У Джека останется полное право заходить в гости, а его поддержка будет нужна Венди, только пока она что-нибудь не подыщет и сама не встанет на ноги. А это придется сделать очень быстро, поскольку кто знает, как долго Джек будет в состоянии выплачивать алименты. Она постарается сделать развод как можно менее мучительным. Но покончить с этим следует.

Размышляя подобным образом, Венди провалилась в неглубокий, не дающий отдыха сон, преследуемая лицами матери и отца. *Да ты просто разваливаешь дом, вот и все,* сказала мать. *Кто вручает эту женщину?* — спросил священник. *Я вручаю,* ответил отец. Но ярким солнечным утром она чувствовала то же самое. Она стояла спиной к Джеку, по самые запястья погрузив руки в теплую раковину с посудой, и начала с неприятного:

— Хочу поговорить с тобой о том, что может оказаться лучше для нас с Дэнни. Может, и для тебя тоже. Наверное, нам надо было поговорить об этом раньше.

И тут он сказал странную вещь. Она ожидала гнева, ожидала, что возбудит в нем ожесточение, услышит обвинения. Она ждала безумного рывка к бару. Только не этого мягкого, почти лишенного выражения ответа — это было так на него не похоже. Словно Джек, с которым она прожила шесть лет, прошлой ночью не вернулся, а его место занял какой-то нездешний двойник, которого она знать не знала и которому вряд ли смогла бы когда-нибудь полностью доверять.

— Сделаешь для меня кое-что? Одно одолжение?

— Какое? — Пришлось строго следить, чтобы голос не дрожал.

— Давай поговорим об этом через неделю. Если у тебя еще будет желание.

И она согласилась. Они тогда так и не высказались. Всю ту неделю он больше обычного виделся с Элом Шокли, но возвращался домой рано и спиртным от него не пахло. Венди

внушала себе, что чувствует запах перегара, но знала, что это не так. Прошла еще неделя. И еще.

Вопрос о разводе без голосования вернулся на пересмотр.

Что произошло? Она не переставала удивляться и по-прежнему не имела об этом ни малейшего представления. Тема была для них табу. Джек напоминал человека, который заглянул за угол и неожиданно увидел поджидающего его монстра, припавшего к земле среди высохших костей прежних жертв, готовящегося прыгнуть. В баре по-прежнему имелось спиртное, но он к нему не притрагивался. Венди тысячу раз решала выкинуть бутылки, но в конце концов всегда отказывалась от этой мысли, словно поступок нарушил бы какие-то непонятные чары.

Да еще приходилось считаться с Дэнни.

Если она чувствовала, что мужа совершенно не знает, то перед сыном испытывала благоговейный страх — благоговейный страх в буквальном смысле, какой-то неопределенный суеверный ужас.

В легкой дреме Венди представился миг его появления на свет. Она снова лежала на родильном столе, обливаясь потом; волосы слиплись прядями, ноги при потугах судорожно выворачивались

(небольшой кайф от наркоза, который ей давали маленькими порциями. Один раз она пробормотала, что ее поза служит приглашением к групповому изнасилованию, а акушерка — стреляный воробей, принявшая столько родов, что этими детьми можно было заселить университетский городок, — сочла это страшно смешным)

врач стоял между ногами, акушерка — сбоку, она готовила инструменты и напевала себе под нос. Через все уменьшающиеся интервалы повторялась острая боль, как будто в Венди втыкали осколки стекла, несколько раз, как ни стыдно ей было, она вскрикнула.

Потом доктор довольно сурово сообщил ей, что она должна *ТУЖИТЬСЯ*, и она натужилась, а потом ощутила, как из нее что-то вытаскивают. Ощущение было отчетливым, определенным, ей никогда не забыть его — что-то *вытащили*. А потом врач поднял ее сына за ножки (увидев крошечный пенис, Венди сразу поняла: мальчик), но, когда доктор взялся за наркозную маску, она заметила кое-что еще — такое страшное, что нашла силы закричать, хотя думала, что выкричалась до конца.

У него нет лица!

Но лицо, конечно же, было, милое личико ее Дэнни, а окутавшая его при рождении оболочка плода теперь покоилась в маленьком сосуде — Венди хранила ее, чуть ли не стыдясь этого. Она не верила старым приметам, но все равно сохранила «сорочку». Бабью болтовню Венди не одобряла, но мальчик с самого начала был необыкновенным. Она не верила в шестое чувство, но...

Папа попал в аварию? Мне приснилось, что папа попал в аварию.

Что-то изменило Джека. Венди не верила, что дело только в ее готовности разводиться. Тогда, под утро, пока она беспокойно спала, что-то произошло. Эл Шокли сказал, что ничего не случилось, совсем ничего, но отвел глаза, а если верить школьным сплетням, Эл тоже бросил пить.

Папа попал в аварию?

Случайное столкновение с судьбой, может быть, конечно, ничего более определенного. Газеты, которые вышли наутро и на следующий день, она прочла внимательнее обычного, но не нашла ничего, что можно было бы связать с Джеком. Господи помилуй, она выискивала

аварию с наездом, скандал в баре, который закончился серьезными повреждениями или... кто знает? И кому это надо знать? Но полиция так и не объявилась — ни чтобы задать вопросы, ни с ордером на взятие соскобов краски с бампера «фольксвагена». Ничего. Вот только муж полностью изменился, да сын, проснувшись, сонным голосом спросил:

Папа попал в аварию? Мне приснилось...

Она не признавалась себе в часы бодрствования, насколько Дэнни повлиял на то, что она осталась с Джеком, но сейчас, в легкой дреме, можно было признать: с самого начала Дэнни был мальчиком Джека. Так же, как тоже почти с самого начала она была папиной девочкой. Она не могла припомнить ни одного случая, чтобы Дэнни выплюнул молоко из бутылочки Джеку на рубашку. Джек мог накормить его после того, как она с отвращением сдавалась — даже когда у Дэнни резались зубки и ему явно было больно жевать. Когда у Дэнни болел живот, ей приходилось целый час укачивать его, чтоб он начал успокаиваться, а Джек просто брал Дэнни на руки, пару раз проходил с ним по комнате, и тот засыпал у отца на плече, надежно засунув в рот большой палец.

Ему не было неприятно менять пеленки — даже в тех случаях, которые он называл «спецдоставкой». Он просиживал вместе с Дэнни часы напролет, подбрасывая его на коленях, играя пальчиками, строя ему рожи, а Дэнни дергал его за нос и, хихикая, валился. Джек выводил закономерности и безошибочно пользовался ими, принимая на себя любые последствия. Даже когда их сын был еще грудным, он брал Дэнни в собой в машину, отправляясь за газетой, бутылкой молока или гвоздями в скобяную лавку. Когда Дэнни было всего полгода, Джек взял его на футбольный матч Стовингтон — Кин, и тот всю игру неподвижно просидел у отца на коленях, завернутый в одеяльце, зажав в пухлом кулачке маленький стовингтонский флажок.

Он любил мать, но он был папин мальчик.

Да разве она сама не чувствовала раз за разом, как сын без слов противится самой мысли о разводе? Она думала об этом в кухне, поворачивая мысль в голове так же, как поворачивала картошку для ужина, подставляя ее под лезвие овощечистки. А обернувшись, видела, что сидящий по-турецки на кухонном стуле Дэнни смотрит на нее одновременно испуганными и обвиняющими глазами. Когда они гуляли в парке, он вдруг хватал ее за обе руки и говорил — почти требовал: «Ты меня любишь? Ты папу любишь?» И, смутившись, Венди кивала или говорила: «Конечно, милый». Он несся к утиному пруду так, что перепуганные утки в панике перед маленьким зарядом его свирепости, хлопая крыльями, с криканьем перелетали на другой берег. Венди, недоумевая, пристально глядела ему вслед.

Бывали даже времена, когда казалось, что решимость Венди хотя бы обсудить с Джеком положение дел рассеялась не из-за ее слабости, а по воле сына.

Я не верю в такие вещи.

Но во сне она верила в них. Во сне, пока семя ее мужа высыхало на бедрах, Венди чувствовала, что они сплачиваются все крепче, и, если это триединство будет разрушено, то не изнутри, а извне.

Верила она по большей части в то, что концентрировалось вокруг ее любви к Джеку. Она никогда не переставала любить его, может быть, за исключением того мрачного периода, который последовал сразу за «несчастливым случаем» с Дэнни. И сына она любила. Сильней всего она любила обоих вместе: гуляли они, ехали или просто застывали, усевшись играть в «старую деву», настороженно склонив головы — большую Джека и маленькую Дэнни — к веерам карт, делясь кока-колой, разглядывая комиксы. Венди очень нравилось, что они у нее

есть, и она надеялась, что Господь милостив и та работа смотрителя отеля, которую Джеку устроил Эл Шокли, станет началом возвращения лучших времен.

*Вот поднимется ветер, малышка,
Унесет все печали он прочь...*

Вернулась мелодия — тихая, сладкая, приятная, задержалась, провожая Венди в глубокий сон, где прекращали существование все мысли, а являющиеся в ночных видениях лица исчезали, не запомнившись.

7. В другой спальне

Дэнни проснулся. В ушах еще стоял громкий стук, а пьяный, свирепый, раздраженный голос выкрикивал: *Выйди-ка сюда, получи что заслужил! Я до тебя доберусь! Я до тебя доберусь!*

Но теперь оказалось, что стучит его бешено колотящееся сердце, а единственным голосом в ночи был далекий вой полицейской сирены.

Он неподвижно лежал в постели, глядя в потолок спальни, где шевелились под ветром тени листьев. Извиваясь, они сдваивались, создавая силуэты, похожие на дикий виноград и лианы, на джунгли; силуэты, напоминающие узоры, которыми было заткано полотно толстого ковра. На Дэнни была пижама «Доктор Дэнтон», но между пижамной курточкой и кожей выросла плотно окутывающая тело фуфайка пота.

— Тони? — прошептал он. — Ты тут?

Ответа не было.

Он выскользнул из кровати, тихонько прошлепал через комнату к окну и выглянул на Арапаго-стрит, оцепеневшую и тихую в этот поздний час. Было два часа ночи. Снаружи ничего не оказалось — лишь пустынные тротуары, на которых холмиками лежали опавшие листья, припаркованные машины да длинношей фонарь на углу, напротив бензоколонки Клиффа Брайса. Из-за колпачка на верхушке и неподвижного столба фонарь был похож на чудовище из фантастического шоу.

Он оглядел всю улицу, напрягая глаза, чтобы заметить неясный, манящий к себе силуэт Тони, но там никого не было.

В кронах деревьев вздыхал ветер, а по пустынным тротуарам и вокруг колес оставленных на ночь автомобилей шелестели опавшие листья. Звук был очень тихим, исполненным скорби, и мальчик подумал, что, возможно, он единственный в Боулдере настолько вырвался из оков сна, чтобы слышать его. По крайней мере единственный человек. Как знать, что еще может оказаться там, в ночи; какое существо может красться в тени, подгоняемое голодом, приглядываясь и нюхая ветер.

Я до тебя доберусь! Я до тебя доберусь!

— Тони? — снова прошептал мальчик, но без особой надежды.

Ответом был только ветер, на сей раз он налетел куда резче, осыпав листьями покатуую крышу под окном Дэнни. Несколько листочков, соскользнувших в водосточный желоб, замерли там, как усталые танцоры.

— Дэнни... Дэнни-и-и...

При звуке знакомого голоса он вздрогнул и, вытягивая шею, высунулся из окна, цепляясь ручонками за подоконник. Голос Тони прозвучал в ночи, и она тихо, тайно ожила, шорохи не прекратились, даже когда ветер снова улегся, листья неподвижно замерли, а тени перестали шевелиться. Ему показалось, что возле автобусной остановки в нескольких домах от своего он заметил кусочек тени потемнее, но было трудно сказать, правда это или обман зрения.

— Не езд, Дэнни...

Потом снова налетел порыв ветра, заставив его прищуриться, и тень исчезла с автобусной остановки — если она вообще там была. Он постоял у окна еще (минуту? час?)

некоторое время, но больше ничего не дождался. Наконец Дэнни снова забрался в

постель, натянул одеяло до подбородка и стал смотреть, как отбрасываемые недобрым светом уличного фонаря тени превращаются в извивающиеся джунгли, полные плотоядных растений, у которых было только одно желание: обвить его, высосать из него жизнь и утащить вниз, во тьму, где красным пылало одно-единственное слово:

ТРЕМС.

8. Как выглядит «Оверлук»

Мама беспокоилась.

Она боялась, что «жуку» не потянуть все эти горные подъемы и спуски и что они застрянут где-нибудь у обочины, а тем временем еще кто-то промчится по шоссе и столкнется с ними. Сам Дэнни был настроен более оптимистично: если папа думает, что «жук» справится с этой последней поездкой, значит, так, наверное, и будет.

— Мы уже почти приехали, — сказал Джек.

Венди легонько пригладила волосы на висках:

— Слава Богу.

Она сидела справа, на коленях текстом вниз лежала раскрытая книжка Виктории Холт в мягкой обложке. На Венди было синее платье — Дэнни считал его самым красивым на свете. У платья был матросский воротник, и из-за этого Венди выглядела совсем молоденькой — ни дать ни взять девчонка, оканчивающая колледж. Папа все время клал руку ей на ногу, много выше колен, а она, без умолку смеясь, скидывала ее со словами: «Муха, кыш».

На Дэнни горы произвели впечатление. Один раз папа брал его с собой в горы неподалеку от Боулдера, и они назывались Флэтайронские, но эти были куда больше, самые высокие красиво запылил снег, и папа сказал, что такое здесь бывает часто, круглый год.

А потом они въехали в *сами* горы — не в какое-то там предгорье. Куда ни глянь, вокруг поднимались отвесные каменные громады, такие высокие, что, даже вытягивая в окошко шею, стоило большого труда увидеть их вершины. Когда они выезжали из Боулдера, было что-то около восьмидесяти градусов по Фаренгейту. Здесь же сразу после полудня воздух уже казался прохладным, свежим и бодрящим, как бывает в Вермонте в ноябре, и папа включил печку... работала она, правда, не так уж хорошо. Они проехали несколько табличек с надписью *ЗОНА КАМНЕПАДА* (мама прочитывала ему каждую), и, хотя Дэнни встревоженно ждал, что какой-нибудь камень упадет, ничего не упало. По крайней мере до сих пор.

Полчаса назад они проехали другой указатель — про него папа сказал, что это очень важно. На этом указателе было написано: *ВЪЕЗД НА САЙДВИНДЕРСКУЮ ДОРОГУ*, — и папа сказал, что зимой снегоочистители добираются только досюда. Дальше дорога делается слишком крутой. На зиму ее закрывают — от маленького городка Сайдвиндер (как раз перед тем, как добраться до этого указателя, они через него проехали) до самого Баклэнда, штат Юта.

Сейчас они проезжали мимо другого указателя.

— Ма, а это что?

— Там написано: *МАШИНАМ, ЕДУЩИМ МЕДЛЕННО, ДЕРЖАТЬСЯ ПРАВОЙ СТОРОНЫ*. Это про нас.

— «Жук» справится, — сказал Дэнни.

— Пронеси Господи, — вздохнула мама и скрестила пальцы. Дэнни посмотрел вниз, на ее сандалии с открытыми носками, и увидел, что пальцы ног она тоже скрестила. Он хихикнул. Она улыбнулась в ответ, но он знал: мама беспокоится по-прежнему.

Дорога шла вверх, виток за витком, один S-образный поворот сменялся другим, и Джек переключил скорость с четвертой на третью, а потом на вторую. «Жук» запротестовал, тяжело пыхтя, а Венди уставилась на стрелку спидометра, которая упала с сорока до тридцати миль в час, а потом — до двадцати и нехотя там зависла.

— Бензонасос... — робко начала она.

— Насос выдержит еще три мили, — кратко сообщил Джек.

Каменная стена справа от них исчезла, открылась узкая прорезь долины. Темно-зеленая от обычных для Скалистых гор сосен и елей, она словно бы спускалась в бесконечность. Сосны сменились серыми скалами, они обрывались вниз на сотни футов и только там сглаживались. Венди увидела бегущий по одной из них водопад; раннее послеполуденное солнце сверкало в нем, как пойманная в голубые сети золотая рыбка. Горы были прекрасны, но суровы. Венди подумалось, что они редко прощают ошибки. Дурное предчувствие — предчувствие несчастья — сковало ей горло. Дальше к западу, в Сьерра-Неваде, снежные заносы как-то раз отрезали от остального мира команду Доннеров. Чтобы выжить, они ели друг друга. Горы редко прощают ошибки.

Энергичным рывком выжав сцепление, Джек переключил скорость на первую, и они с трудом полезли наверх, мотор «жука» загнанно ухал.

— Знаешь, — сказала она, — по-моему, с тех пор как мы проехали Сайдвиндер, нам встретилось в лучшем случае пять машин. В том числе лимузин из отеля.

Джек кивнул:

— Жмет прямо в Стэплтонский аэропорт, в Денвер. Уотсон говорит, вокруг отеля кое-где уже появились наледи, а на завтра обещали еще больше снега. Любой, кто едет сейчас по горам, предпочитает на всякий случай держаться одной из главных дорог. Хоть бы проклятый Уллман еще оказался на месте. Думаю, окажется.

— Ты уверен, что тамошние кладовки забиты мясом до отказа? — спросила Венди, подумав про Доннеров.

— Он сказал — да. Он хотел, чтобы Холлоранн показал тебе, где там что. Холлоранн — это повар.

— А, — слабо выговорила она, глядя на спидометр. Стрелка упала с пятнадцати миль в час до десяти.

— Вон вершина, — сказал Джек, показывая на три сотни ярдов вперед. — Там живописный поворот, и «Оверлук» виден. Я собираюсь съехать с дороги, дать «жуку» передышку. — Он вытянул шею, оглядываясь через плечо на Дэнни, сидевшего на куче одеял. — Как думаешь, док? Может, увидим оленя. Или карибу.

— Конечно, пап.

«Фольксваген» старательно карабкался все выше и выше. Стрелка спидометра упала чуть ли не до пяти миль в час и остановилась, когда Джек, съехав с дороги,

(«Мам, что написано?» — «**ЖИВОПИСНЫЙ ПОВОРОТ**», — покорно прочла Венди.)

нажал на ручной тормоз и позволил «фольксвагену» прокатиться по инерции.

— Пошли, — сказал он и вылез из машины.

Они все вместе зашагали к шлагбауму.

— Вот, — сказал Джек и показал вверх и влево.

Венди внезапно открыла, что и в клише есть истина: у нее действительно захватило дух. Некоторое время она вообще была не в состоянии дышать, потрясенная открывшимся видом. Напротив — кто знает, как далеко? — в небо вздымалась гора еще выше этой; зубчатая макушка казалась силуэтом, который солнце, уже начавшее свой путь к закату, одело нимбом. Внизу под ними простиралась долина; склоны, по которым они карабкались в выбивающемся из сил «жуке», обрывались вниз с такой головокружительной внезапностью, что Венди поняла — если слишком долго смотреть вниз, затошнит и даже может вырвать. В

чистом, ясном воздухе воображение, вырвавшись из узд рассудка, расправило крылья, и смотреть означало беспомощно наблюдать, как ныряешь все ниже, ниже, ниже; как, крутясь медленной каруселью, меняются местами склоны и небо, как, подобно ленивому воздушному шару, из твоего рта плывет крик, а платье бьется по ветру...

Венди, сделав над собой усилие, оторвала взгляд от склона и проследила за пальцем Джека. Ей удалось разглядеть шоссе, прижавшееся к этому соборному шпилю с одного бока, ныряющее, как американские горки, но неизменно держащее курс на северо-запад, продолжающее подъем под менее крутым углом. Еще дальше Венди увидела, как сосны, мрачно прижавшиеся к склону, будто воткнутые прямо в него, уступают место просторному зеленому квадрату газона, посреди которого возвышался отель «Оверлук». Увидев его, она вновь обрела голос и дыхание.

— Джек, это просто великолепно!

— Да, — сказал он. — Уллман считает, что это — прекраснейшее место в Америке, другого такого нет. На Уллмана мне в общем-то наплевать, но, может быть, так оно и есть... Дэнни! Дэнни, тебе плохо?

Она оглянулась, ища сына, и внезапный страх за него стер все остальное, каким бы изумительным оно ни казалось. Она стрелой кинулась к нему. Держась за ограждение, Дэнни смотрел вверх, на отель, и лицо у него приобрело нездоровый серый оттенок. Глаза были пустыми, как у человека, который вот-вот упадет в обморок.

Она опустилась рядом с ним на колени, положив ему руки на плечи, чтобы подбодрить и успокоить:

— Дэнни, что...

Рядом с ней оказался Джек.

— С тобой все о'кей, док? — Он коротко встряхнул Дэнни, и взгляд мальчика прояснился.

— Да, пап. Все отлично.

— Что это было, Дэнни? — спросила она. — У тебя закружилась голова, милый?

— Нет, просто... просто задумался. Извини. Я не хотел вас пугать. — Он взглянул на стоящих подле него на коленях родителей и улыбнулся слабой озабоченной улыбкой. — Может, это от солнца. Мне солнце попало в глаза.

— Сейчас приедем в отель и дадим тебе глоточек воды, — сказал папа.

— Ладно.

Но и сидя между ними в «жуке», который по более пологому склону двигался вперед и вверх куда уверенней, Дэнни все посматривал на разматывающуюся из-под колес дорогу, иногда позволяя себе скользнуть взглядом по отелю «Оверлук», отражавшему солнце множеством окон, обращенных на запад. В снежном буране ему привиделся именно этот дом, темный, заполненный глухим стуком, где какая-то ужасная, отвратительная, но знакомая фигура разыскивала его по длинным коридорам, выстланным ковром-джунглями. Именно насчет этого места его предостерегал Тони. Здесь. Вот здесь. Чем бы это Тремс ни было — оно жило здесь.

9. Выписка

Прямо за высокими старомодными парадными дверьми их ждал Уллман. Пожав руку Джеку, он холодно кивнул Венди, возможно, заметив, как повернулись головы, когда она прошла в вестибюль: рассыпанные по плечам золотистые волосы, простое платье-матроска. Подол скромно замер двумя сантиметрами выше колен, но и этого наблюдателю было достаточно, чтобы понять — ноги хороши.

Кажется, только к Дэнни Уллман отнесся по-настоящему тепло, но с подобным Венди сталкивалась и раньше. Похоже, Дэнни соответствовал представлениям о детях тех людей, которые обычно придерживались на этот счет того же мнения, что и У. С. Филд. Слегка наклонившись, он протянул Дэнни руку. Дэнни без улыбки официально пожал ее.

— Мой сын Дэнни, — представил Джек. — И моя жена Уиннифред.

— Очень приятно познакомиться с вами обоими, — сказал Уллман. — Сколько тебе лет, Дэнни?

— Пять, сэр.

— Надо же, сэр. — Уллман улыбнулся и взглянул на Джека. — Он хорошо воспитан.

— А как же, — сказал Джек.

— Миссис Торранс, — он отвесил ей такой же легкий поклон, и у смутившейся на миг Венди мелькнула мысль, что Уллман поцелует ей руку. Он принял ладонь, которую она неуверенно протянула ему, но лишь для того, чтобы ненадолго сжать обеими руками. Ладонки Уллмана оказались маленькими, сухими и гладкими, и Венди догадалась, что он их припудривает.

В вестибюле кипела работа. Унесли почти все старомодные стулья с высокими спинками. Туда-сюда шныряли рассыльные с чемоданами, а подле стойки, на которой возвышалась массивная латунная касса, выстроилась очередь. Налепленные на кассу переводные картинки и карточки Американского банка действовали на нервы своей несовременностью.

Справа, возле высоких двустворчатых дверей, обе половинки которых были плотно закрыты и связаны веревкой, в старомодном камине пылали березовые поленья. На диване, придвинутом чуть ли не вплотную к очагу, сидели три монахини. Обложившись со всех сторон поставленными одна на другую сумками, они болтали и улыбались, ожидая, когда очередь на выписку немного поредеет. Под взглядом Венди они дружно разразились звонким девчоночьим смехом. Она почувствовала, что и ее губы тронула улыбка: самой молодой из них было никак не меньше шестидесяти.

Приглушенный гул голосов на заднем плане, негромкое *динь!* серебряного колокольчика у кассы, когда один из дежурных клерков звонил в него, немного нетерпеливое «Дальше, пожалуйста!» — все это навевало яркие теплые воспоминания об их с Джеком медовом месяце в нью-йоркском «Бикман-Тауэр». Впервые Венди позволила себе поверить, что может быть, как раз в этом и нуждалась их троица: провести вместе, вдали от мира целый сезон, что-то вроде медового месяца для всей семьи. Она ласково улыбнулась Дэнни, который честно таращил глаза по сторонам на все подряд. Перед крыльцом остановился еще один лимузин, серый, как жилет банкира.

— Последний день сезона, — говорил Уллман. — День закрытия. Каждый раз суматоха. Я, собственно, ожидал, что вы приедете часам к трем, мистер Торранс.

— Хотелось дать «фольксвагену» время на случай, если он решит закатить истерику, — сказал Джек. — Но все обошлось.

— Очень удачно, — сказал Уллман. — Я собираюсь попозже устроить для вас троих экскурсию по нашей территории, и, конечно, Дик Холлоранн хотел бы показать миссис Торранс кухню «Оверлука». Но, боюсь...

Чуть не налетев на него, подбежал клерк:

— Извините, мистер Уллман...

— Ну? Что такое?

— Миссис Брэнт, — смущенно сказал клерк. — Она отказывается платить по счету — только карточкой «Америкэн экспресс». Я говорю, мы в конце прошлого сезона прекратили принимать «Америкэн экспресс», но она... — Он перевел взгляд на семейство Торрансов, потом обратно на Уллмана. Тот пожал плечами:

— Я этим займусь.

— Спасибо, мистер Уллман. — Клерк направился через вестибюль обратно к стойке, где громко протестовала похожая на дредноут дама, закутанная в длинную шубу и нечто, напоминающее боа из черных перьев.

— Я езжу в «Оверлук» с пятьдесят пятого года, — говорила она улыбающемуся, пожимающему плечами клерку, — и не перестала ездить даже после того, как мой второй муж умер от удара на вашей противной площадке для роке... говорила же ему в тот день: солнце печет слишком сильно!.. но никогда... повторяю: *никогда* я не расплачивалась ничем, кроме карточек «Америкэн экспресс». Повторяю...

— Прошу прощения, — сказал мистер Уллман.

Под взглядами Торрансов он пересек вестибюль, почтительно дотронулся до локтя миссис Брэнт и, когда она обернулась, обрушив свою тираду на него, развел руками и кивнул. Сочувственно выслушав, он еще раз кивнул и что-то произнес в ответ. Миссис Брэнт с торжествующей улыбкой повернулась к несчастному клерку за стойкой и громко объявила:

— Слава Богу, в этом отеле нашелся хоть один служащий, который еще не стал безнадежным мещанином!

Она позволила едва достававшему до ее могучего, облаченного в шубу плеча Уллману взять себя за руку и увести прочь — вероятно, в глубь отеля, в контору.

— Ух ты! — с улыбкой заметила Венди. — Этот пижон денежки не зря получает!

— Но леди ему не нравится, — немедленно высказался Дэнни. — Он просто притворяется, что она ему нравится.

— Конечно, ты прав, док. Но лесть — такая штука, на которой вертится весь мир.

— А что такое лесть?

— Лесть, — ответила Венди, — это когда папа говорит, что мои новые желтые брюки ему нравятся, а на самом деле это не так... или когда он говорит, что мне вовсе не нужно похудеть на пять фунтов.

— А, это когда врут ради смеха?

— В общем, да.

Все это время Дэнни смотрел на нее внимательно-внимательно, а теперь сказал:

— Ма, ты хорошенькая. — И, когда родители, обменявшись взглядом, расхохотались, смущенно нахмурился.

— Мне Уллман не слишком-то льстил, — сказал Джек. — Ребята, давайте отойдем к окну. По-моему, я здорово бросаюсь в глаза, когда торчу тут посреди вестибюля в своей

варенке. Бог свидетель, мне и в голову не приходило, что в день закрытия тут будет столько народу. Похоже, я ошибся.

— Ты очень красивый, — сказала Венди, и они опять рассмеялись. Венди зажала рот рукой. Дэнни все еще ничего не понимал, но не беда. Они любили друг друга. Он подумал, что отель напоминает маме какой-то другой дом,

(домик Бикмана)

где она была счастлива. Дэнни хотелось, чтобы отель и ему понравился не меньше, чем маме, он вновь и вновь повторял себе: то, что показывает Тони, сбывается не всегда. Он будет осторожен. Тремс не застанет его врасплох. Но рассказывать об этом не станет, пока совсем не подопрет. Ведь они счастливы, они смеются и не думают ни о чем плохом.

— Погляди, что за вид, — сказал Джек.

— О, это великолепно! Дэнни, смотри-ка!

Но Дэнни никакого особого великолепия не заметил. Он не любил высоту — от нее кружилась голова. От широкого парадного крыльца, которое тянулось вдоль всего фасада, к длинному прямоугольному бассейну спускался превосходный подстриженный газон (с правой стороны было небольшое поле для гольфа). На другом краю бассейна на маленьком треножнике стояла табличка: *Закрыто*. Он умел сам читать *Закрыто*, а еще — *Стоп*, *Выход*, *Пицца* и кое-что сверх этого.

От бассейна среди молодых сосенок, елей и осин вилась посыпанная гравием дорожка. Там был маленький указатель, незнакомый Дэнни: РОКЕ. Ниже была стрелка.

— Пап, что такое: Рэ-О-Кэ-Е?

— Игра, — отозвался папа. — Немножко похожая на крокет, только играют на засыпанной гравием площадке. Стороны у нее, как у большого бильярдного стола, а травы нет. Это очень старинная игра, Дэнни. Тут у них иногда проводятся турниры.

— А играют крокетным молотком?

— Вроде того, — согласился Джек. — Только ручка покороче да головка двусторонняя. Одна сторона из твердой резины, а вторая — деревянная.

(*Выходи, маленький ублюдок*)

— Читается «роке», — говорил папа. — Если хочешь, научу тебя играть.

— Может быть, — сказал Дэнни странным тоненьким бесцветным голоском, который заставил родителей обменяться поверх его головы озадаченным взглядом. — Но мне может и не понравиться.

— Ну, если не понравится, док, силком тебя никто играть не заставит. Заметано?

— Заметано.

— Тебе нравятся вон те звери? — спросила Венди. — Это называется «художественная стрижка деревьев». — По другую сторону ведущей к *роке* тропинки высилась живая изгородь, подстриженная в форме разных зверей. Своими острыми глазами Дэнни сразу разглядел кролика, собаку, лошадь, буйвола и еще три фигуры покрупнее, похожие на резвящихся львов.

— Из-за этих зверей дядя Эл и подумал, что работа как раз для меня, — сказал ему Джек. — Он знает, что когда я учился в колледже, то работал в фирме, занимающейся парковым хозяйством. Это такой бизнес, когда помогаешь людям содержать газоны, кусты, живые изгороди. Я подстригал растительность одной даме.

Венди хихикнула, зажав рот рукой. Взглянув на нее, Джек сказал:

— Да, я подстригал ей растительность по меньшей мере раз в неделю.

— Муха, кыш, — сказала Венди и опять хихикнула.

— У нее были красивые живые изгороди, пап? — спросил Дэнни, и тут родители взорвались хохотом. Венди так смеялась, что по щекам потекли слезы и пришлось доставать из сумки салфетку.

— Это были не звери, Дэнни, — сказал Джек, когда снова взял себя в руки. — Это были карточные масти. Пики, черви, трефы, бубны... Но изгородь, видишь ли, разрастается...

(Ползет, сказал Уотсон... нет, не изгородь, давление в котле. За ним нужен глаз да глаз, а то проснетесь вы всей семейкой на луне, чтоб ей пусто было!)

Они озадаченно посмотрели на него.

— Пап? — окликнул Дэнни.

Посмотрев на них, он заморгал, словно возвращаясь откуда-то издалека.

— Она разрастается, Дэнни, и теряет форму. Поэтому раз или два в неделю приходится ее подстригать, пока не похолодает и изгородь не перестанет расти до следующей весны.

— Да тут и детская площадка есть, — сказала Венди. — Ах ты, мой везунчик.

Детская площадка располагалась за *древесными скульптурами*. Две горки, большие качели с дюжиной прикрепленных на разной высоте сидений, гимнастические снаряды, тоннель из цементных колец, песочница и домик — точная копия самого «Оверлука».

— Нравится, Дэнни? — спросила Венди.

— Еще бы, — ответил он, надеясь, что в голосе прозвучит больше воодушевления, чем он чувствует. — Тут приятно.

Детская площадка была огорожена не бросающейся в глаза металлической сеткой, дальше виднелась широкая, засыпанная щебнем подъездная дорога, ведущая к отелю, а за ней — сама долина, обрывающаяся в ярко-синее полуденное море. Слова *изоляция* Дэнни не знал, но, объясни ему кто-нибудь, что это такое, он так бы и ухватился за него. Дорога, ведущая обратно в Сайдвиндер и дальше, в Боулдер, лежала далеко внизу, напоминая длинную черную змею, решившую немного вздремнуть на солнышке. Дорога, которая закроется на всю зиму. От этой мысли у Дэнни перехватило дыхание, и он резко дернулся, когда папа положил ему руку на плечо.

— Как только будет можно, дам тебе попить, док. Сейчас они немного заняты.

— Конечно, пап.

Из конторы с видом человека, отстоявшего свою позицию, вышла миссис Брэнт. Спустя несколько минут она широким шагом победоносно прошествовала через парадную дверь, а за ней, сражаясь с восемью чемоданами, изо всех сил спешили двое рассыльных. Дэнни наблюдал из окна, как, подогнав к крыльцу длинную серебристую машину миссис Брэнт, из нее вылез человек, серой формой и кепи схожий с армейским капитаном. Приподняв кепи при виде миссис Брэнт, он побежал открывать багажник.

И в одном из случающихся у него время от времени озарений Дэнни уловил законченную мысль миссис Брэнт — мысль, плывущую над той невнятной сумятицей чувств и красок, которую он обычно воспринимал, когда вокруг бывало много народу.

(хотела бы я забраться в эти штаны)

Морща лоб, Дэнни наблюдал, как рассыльные ставят в багажник чемоданы. Дама довольно пронзительно смотрела на мужчину в форме, который надзирал за погрузкой. Зачем ей штаны этого дяди? Ей что, холодно даже в длинной шубе? А если ей так холодно, почему она не наденет свои штаны? Его мама носила штаны почти всю зиму.

Человек в серой форме закрыл багажник и вернулся, чтобы помочь миссис Брэнт сесть в

машину. Дэнни не сводил с них глаз: вдруг она скажет что-нибудь про штаны? Но она только улыбнулась и сунула ему доллар — на чай. Через минуту она уже выводила длинный серебристый автомобиль по подъездной дороге к воротам.

Дэнни подумал, не спросить ли у мамы, зачем миссис Брэнт могли понадобиться штаны шофера, но отказался от этой мысли. Иногда вопросы приносили только неприятности. Такое с ним уже бывало.

Поэтому Дэнни просто втиснулся на маленький диванчик между сидящими рядышком мамой и папой, которые наблюдали, как народ выписывается возле стойки. Он радовался, что они счастливы и любят друг друга, но не мог избавиться от легкой тревоги. Он ничего не мог с ней поделать.

10. Холлоранн

Повар совершенно не соответствовал представлениям Венди о типичном персонаже с гостиничной кухни. Начать с того, что к подобному лицу следовало обращаться «шеф» — о простецком «повар» и речи быть не могло: поварихой Венди становилась тогда, когда, свалив у себя на кухне в смазанную жиром кастрюльку «Пирэкс» все остатки, добавляла туда вермишель. Далее, кулинару-чародею из такого отеля, как «Оверлук», реклама которого размещалась в разделе «Курорты» нью-йоркской «Санди таймс», следовало быть низеньким, кругленьким, с одутловатым (как у Пончика Пиллсбери) лицом, непременно украшенным тоненькими, будто нарисованными карандашом усиками в стиле «звезд» музыкальных кинокомедий сороковых годов; ему следовало быть темноглазым, а также иметь французский акцент и омерзительный характер.

Темноглазым Холлоранн был — но и только. Он оказался высоким негром со скромной стрижкой «афро», уже чуть припудренной сединой. У него был мягкий южный выговор, и он много смеялся, обнажая зубы, слишком белые и ровные, чтобы быть настоящими. Наверняка это был протез от Сирса и Робака образца 1950 года. Парочка таких протезов была у отца Венди, он прозвал их «робакерами». Бывало, за ужином отец комично выталкивал их изо рта... теперь Венди припомнила, что так бывало каждый раз, как мать выходила на кухню или к телефону.

Дэнни уставился вверх на черного гиганта в костюме из синего сержа^[1], а потом улыбнулся, когда Холлоранн легко поднял его на руки, усадил на сгиб локтя и спросил:

— Ведь ты же не собираешься проторчать тут всю зиму?

— А вот и собираюсь, — сказал Дэнни с застенчивой улыбкой.

— Не-ет, ты поедешь со мной в Сен-Пит, выучишься готовить и каждый вечер будешь ходить на пляж и глядеть на крабов. Идет?

Дэнни восторженно хихикнул и отрицательно помотал головой. Холлоранн ссадил мальчика на землю.

— Коли собираешься передумать, — серьезно сказал он, склоняясь к нему, — лучше поторопись. Полчаса — и я в машине. Еще два с половиной часа — и я уже сижу у прохода тридцать два, дорожка Б, милей выше этого места, в Стэплтонском аэропорту города Дэнвер, Колорадо. Еще три часа — и я нанимаю машину в аэропорту Майами, жму в солнечный Сен-Пит, жду не дождусь, как влезу в плавки, и смеюсь в кулачок над всеми, кто застрял в снегу. Сечешь, мальчуган?

— Да, сэр, — улыбаясь, сказал Дэнни.

Холлоранн повернулся к Джеку с Венди:

— Кажись, мальчуган-то что надо, а?

— Мы думаем, он нам подходит, — сказал Джек, протягивая руку. Холлоранн пожал ее. — Я Джек Торранс. Моя жена, Уиннифред. С Дэнни вы уже познакомились.

— И было это очень приятно. Мэм, вы Уинни или Фредди?

— Я Венди, — отозвалась она с улыбкой.

— О'кей. Пожалуй, это лучше, чем другие два. Сюда, сюда. Мистер Уллман хочет, чтоб вы сделали обход, — так вот вам обход. — Он покачал головой и пробормотал себе под нос: — Ну и рад же я буду повидаться с *ним* в последний раз!

Начал Холлоранн с того, что повел их по самой бесконечной кухне, какую Венди

приходилось видеть. Кухня сияла чистотой. Все было отполировано до полного блеска. Она была не просто большой, она подавляла. Венди шла рядом с Холлоранном, а тем временем Джек, оказавшись совершенно не в своей стихии, немного отстал вместе с Дэнни. Возле мойки с четырьмя раковинами располагалась длинная доска, увешанная всевозможным режущим инструментом — от овощечисток до больших двуручных мясницких ножей. Доска для резки хлеба была не меньше кухонного стола в их боулдерской квартире. Одну стену целиком, от пола до потолка, покрывал приводящий в изумление набор сковородок и кастрюль из нержавеющей стали.

— По-моему, всякий раз, как я буду заходить сюда, мне придется оставлять дорожку из хлебных крошек, — сказала Венди.

— Не давайте ей себя застрашать, — откликнулся Холлоранн. — Она, конечно, не маленькая, но все-таки это просто кухня. Больше части этой ерунды вам и касаться не придется. Держите ее в чистоте, а большего я и не прошу. Будь я на вашем месте, я бы пользовался вон той плитой. Вообще-то всего их три, но эта самая маленькая.

Самая маленькая! — уныло подумала Венди, разглядывая плиту. Там было двенадцать конфорок, две обычные духовки и одна голландская, наверху находился котел с подогревом, где на медленном огне можно было кипятить соусы или запекать бобы, жаровня и подогреватель — плюс миллион циферблатов и термометров.

— Только газ, — сказал Холлоранн. — Венди, вам раньше случалось готовить на газу?

— Да.

— Обожаю газ, — сказал он и включил одну из конфорок. Та немедленно расцвела синими язычками пламени, и Холлоранн нежно привернул пламя до слабого огонька. — Хотел бы я поглядеть, на каком огне вы готовите. Видите, где все краны от конфорок?

— Да.

— А циферблаты духовок все помечены. Мне-то самому больше по душе средняя, она, похоже, греет ровней всего, но вы пользуйтесь какой захотите — а то и всеми тремя, коли на то пошло.

— В каждой можно приготовить такой обед, как по телевизору показывают, — сказала Венди и неуверенно засмеялась.

Холлоранн раскатисто захохотал:

— Давайте валяйте, если вам нравится. Список всего съедобного я оставил над раковиной. Видите?

— Вон он, мам! — Дэнни притащил два листа бумаги, густо исписанных с обеих сторон.

— Молодчина, — сказал Холлоранн, забирая у него листки и ероша Дэнни волосы. — Точно не хочешь поехать со мной во Флориду, малыш? Научиться готовить самых вкусных в той райской сторонке креветок по-креольски?

Зажав рот обеими руками, Дэнни захихикал и ретировался к отцу.

— Похоже, вы, ребята, можете тут втроем кормиться целый год, — сказал Холлоранн. — У нас есть холодильная камера, рефрижератор, любые овощи — целыми мешками и два холодильника. Пошли покажу.

Следующие десять минут Холлоранн открывал ящики и дверки, являя еду в таком количестве, какого Венди прежде ни разу не видела. Запасы съестного повергли ее в изумление, однако успокоили вовсе не настолько, насколько она рассчитывала: на ум все равно приходила команда Доннеров. Нет, о людоедстве Венди не думала (с такой уймой продуктов им очень нескоро пришлось бы урезать свой рацион до скудной плоти друг друга),

но ею вновь завладела действительно серьезная мысль: пойдет снег, и часовая поездка отсюда в Сайдвиндер превратится в крупную операцию. Они, как какие-нибудь сказочные существа, будут сидеть тут, в огромном заброшенном отеле, поедать оставленные им припасы и слушать сильный неприятный ветер, обдувающий заваленные снегом карнизы. В Вермонте, когда Дэнни сломал руку,

(когда Джек сломал Дэнни руку)

она набрала номер, записанный на небольшой карточке, прикрепленной к аппарату, и вызвала бригаду «Скорой помощи». Всего десять минут спустя те приехали к ним на дом. На той же маленькой карточке были и другие номера. В пять минут можно было вызвать полицию, а пожарные приезжали даже быстрее, потому что до пожарной станции было всего три дома в сторону и один — назад. Было кому позвонить, если погаснет свет, пропадет вода, сломается телевизор. Но что будет здесь, если у Дэнни случится один из его обморочных припадков и он подавится языком?

(о Боже, что за мысль!)

Что, если начнется пожар? Если Джек свалится в шахту лифта и проломит себе череп? Что, если...

(Что, если мы отлично проведем время, сейчас же прекрати это, Уиннифред!)

Сперва Холлоранн отвел их в рефрижератор, где дыхание превращалось в смешные, длинные, похожие на воздушные шарик облачка. Можно подумать, зима там уже наступила.

Гамбургеры в больших пластиковых пакетах — по десять фунтов в каждом, дюжина пакетов; сорок неразделанных цыплят свисали с крюков, рядом вбитых в деревянные планки стенных панелей. Банки консервированной ветчины стояли штабелями, как фишки для покера. Под цыплятами — десять пластов говядины, десять — свинины и большущая баранья нога.

— Любишь барашков, док? — усмехаясь, спросил Холлоранн.

— Обожаю, — немедленно ответил Дэнни. Барашка он еще никогда не пробовал.

— Так я и знал. Холодным вечером нет ничего лучше парочки добрых кусков баранинки, да еще с мятным желе. Мятное желе тут тоже имеется. Баранина облегчает желудок. С этим сортом мяса столкнуться нелегко.

Джек за их спиной с любопытством спросил:

— Откуда вы узнали, что мы зовем его «док»?

Холлоранн обернулся:

— Пардон?

— Дэнни. Мы иногда зовем его «док». Как в мультфильме про Кролика Багза.

— Да он просто вылитый док, верно? — Поглядев на Дэнни, Холлоранн наморщил нос, облизал губы и сказал: — Э-э-э, в чем дело, док?

Дэнни захихикал, а потом Холлоранн очень ясно что-то

(Точно не хочешь во Флориду, док?)

сказал ему. Он расслышал каждое слово. Ошарашенный и немного испуганный, Дэнни взглянул на повара. Тот серьезно подмигнул и снова занялся продуктами.

Венди перевела взгляд с широкой, обтянутой шерстяной материей спины на сына. У нее было невероятно странное чувство, что между ними что-то произошло — что-то, чего она понять не могла.

— Тут у вас дюжина упаковок сосисок, дюжина упаковок бекона, — говорил Холлоранн. — То же самое со свининой. В этом ящике — двадцать фунтов масла.

— Настоящего масла? — спросил Джек.

— Первый номер — высший класс.

— Я, кажется, не пробовал настоящего масла с тех пор, как ребенком жил в Берлине, Нью-Хэмпшир.

— Ну, тут вам его есть и есть, пока постное масло лакомством не покажется, — смеясь, сказал Холлоранн. — Вон в том ларе хлеб — тридцать буханок белого да двадцать — черного. Мы в «Оверлуке» стараемся поддерживать расовое равновесие, вот так. Знаю, знаю, пятидесяти буханок маловато, но тут полно форм для выпечки, а свеженькое всегда лучше размороженного, что в будни, что в праздники. Тут, внизу, рыба. Пища для мозгов, так, док?

— Да, мам?

— Раз мистер Холлоранн так говорит, милый, — улыбнулась она.

Дэнни сморщил нос:

— Не люблю рыбу.

— Как бы не так, — сказал Холлоранн. — Просто тебе не попалась рыба, которой ты по душе. Эта рыба тебя полюбит, еще как. Пять фунтов радужной форели, десять фунтов камбалы, пятнадцать банок тунца...

— У-у, тунца я люблю.

— ...и пять фунтов палтуса, вкусней которого в море не бывало. Мой мальчик, когда подкатит следующая весна, ты скажешь спасибо старине... — Он прищелкнул пальцами, словно запомнил что-то. — Ну-ка, как меня звать? Что-то я подзабыл.

— Мистер Холлоранн, — сказал Дэнни улыбаясь. — Для друзей — Дик.

— Вот, точно! А раз ты мой друг, пусть будет Дик.

Пока Холлоранн вел их в дальний угол, Венди с Джеком обменялись озадаченными взглядами — каждый пытался вспомнить, называл ли им Холлоранн свое имя.

— А вот сюда я положил кой-что особенное, — сообщил повар, — надеюсь, ребята, вам понравится.

— Ну, это ни к чему, честное слово, — растроганно сказала Венди. «Кой-что особенное» оказалось двенадцатифунтовой индейкой, обвязанной широкой ярко-алой лентой, увенчанной бантом.

— Венди, в День Благодарения вы получите свою индейку, — серьезно произнес Холлоранн. — Где-то тут, кажись, был рождественский каплун, вы на него наткнетесь, тут сомневаться нечего. А теперь давайте-ка отсюда, пока все не подхватили воспаление легких. Идет, док?

— Идет!

В холодильной камере оказалось еще много удивительного. Сотни картонок с сухим молоком (Холлоранн серьезно посоветовал, пока будет такая возможность, покупать мальчику в Сайдвиндере свежее молоко); пять двенадцатифунтовых мешков сахара; галлон патоки в банке; каши; стеклянные банки с рисом, макаронами, спагетти; выстроившиеся рядами консервные банки с фруктами и фруктовым салатом; бушель свежих яблок, от которых вся кладовка пропахла осенью; сушеный изюм, сливы и абрикосы («Если хочешь быть счастливым, ешь побольше чернослива», — сказал Холлоранн, и его смех взлетел к потолку, откуда на железной цепочке свисала несовременная лампочка в шаровидном колпаке); глубокий ларь, полный картошки; ящики поменьше с помидорами, луком, турнепсом, кабачками и капустой.

— Ну, скажу я вам, — объявила Венди, когда они вышли оттуда. Однако вид подобного

изобилия свежих продуктов настолько угнетающе подействовал на нее — с ее-то тридцатью долларами на съестное в неделю! — что она так и не сумела объяснить, что же именно им скажет.

— Время уже поджигает, — сказал Холлоранн, поглядев на часы, — так я, раз уж вы тут поселились, просто покажу, что в шкафах и холодильниках. Так: сыры, консервированное молоко, сгущенка, дрожжи, питьевая сода, целый мешок пирожков — ну, тех, «Застольный разговор», несколько гроздьев бананов — но им еще зреть да зреть...

— Хватит, — сказала Венди, со смехом поднимая руки. — Мне никогда все это не упомянуть. Это выше моих сил. Обещаю держать все в чистоте.

— А мне больше ничего и не надо. — Он повернулся к Джеку: — Что, мистер Уллман уже намекнул насчет крыс на своем чердаке?

Джек ухмыльнулся:

— Он сказал, что там вполне может оказаться несколько штук... а мистер Уотсон говорит, они и внизу, в подвале могут быть. Там, должно быть, тонны бумаги, но погрызенной я не видел — обычно они грызут бумагу, когда устраивают гнезда.

— Уотсон, Уотсон, — с насмешливой грустью сказал Холлоранн, качая головой. — Видали вы большего сквернословия?

— Да-а, характерец, — согласился Джек. Самым большим сквернословом, какого он в жизни встречал, был его отец.

— В общем-то его можно пожалеть, — сказал Холлоранн, провожая их обратно к широким качающимся дверям в столовую «Оверлука». — Давным-давно у его семьи были денежки. Отель-то построил Уотсонов дед или прадед... не помню, который из них.

— Да, мне говорили, — сказал Джек.

— А что случилось? — спросила Венди.

— Не сумели запустить дело, вот что, — сказал Холлоранн. — Эту историю Уотсон вам еще расскажет. Разреши ему, так он ее будет рассказывать и по два раза на дню. Старик свихнулся на этом отеле. По-моему, он позволил «Оверлуку» спихнуть себя вниз. У него было два сына, и один погиб от несчастного случая, когда катался верхом по тутошной территории, — сам-то отель тогда еще строился. Было это, наверное, году в девяносто восьмом... или девятом. Жена старика умерла от инфлюэнцы, и остались они одни с младшим сыном. Под конец их взяли сторожами в тот самый отель, который старик построил.

— Да, жалко, — сказала Венди.

— Что с ним стало? Со стариком? — спросил Джек.

— Сунул по ошибке палец в розетку, тут ему и конец пришел, — отозвался Холлоранн. — Это было в начале тридцатых, перед тем как Депрессия прикрыла отель на десять лет. Кстати, Джек, коли вы с женой присмотрите заодно и за крысами в кухне, я ничего против не имею. Ежели заметите... не травите — крысоловками их.

Джек заморгал:

— Конечно. Кто же травит крыс в кухне ядом?

Холлоранн иронически рассмеялся:

— Мистер Уллман, вот кто. Прошлой осенью его посетила эта блестящая идея. Ну, я-то объяснил, сказал: «А ну, как все мы приедем сюда на будущий год в мае, мистер Уллман, я на вечер открытия приготовлю традиционный обед — а это, кстати, лосось под очень приятным соусом — и все до единого захворают, а доктор придет и скажет: «Уллман, что это вы тут

творите? Восемь самых богатых ребят в Америке отравились крысиным ядом! Чьих, интересно, рук это дело?»

Джек закинул голову и звучно расхохотался:

— Что ответил Уллман?

Холлоранн изнутри ощупал щеку языком, словно проверяя, не застрял ли там кусочек пищи.

— Он сказал: «В таком случае — ловите, Холлоранн!»

На этот раз засмеялись все, даже Дэнни, хотя он не совсем понимал, в чем состоит шутка, — ясно было только, что она касается мистера Уллмана, который в конце концов знает не все на свете.

Вчетвером они прошли через столовую, сейчас тихую и пустынную. Из окон открывался сказочный вид на заснеженные западные вершины. Все белые льняные скатерти были прикрыты кусками чистого жесткого пластика. В одном углу, словно часовой на посту, стоял уже скатанный на зиму ковер.

На другой стороне широкой комнаты находилась дверь, створки которой напоминали крылья летучей мыши, а над ней — выведенная позолоченными буквами старомодная надпись: *Бар Колорадо*.

Увидев, куда смотрит Джек, Холлоранн сказал:

— Коли вы любитель выпить, так, надеюсь, прихватили запасы с собой. Тут хоть шаром покати — вчера была вечеринка для сотрудников, вот что. Сегодня у всех горничных и рассыльных трещит голова, включая и меня.

— Я не пью, — коротко сообщил Джек. Они вернулись в вестибюль.

За те полчаса, что они провели в кухне, там стало куда свободнее. Продолговатое помещение уже приобретало замерший, заброшенный вид, и Джек решил, что довольно скоро они свыкнутся с этим. Стулья с высокими спинками опустели. Монахинь, что сидели у огня, уже не было, да и сам огонь потух, превратившись в слой уютно тлеющих углей. Венди выглянула на стоянку и увидела, что осталась всего дюжина машин, остальные исчезли.

Она поймала себя на том, что тоже хочет сесть в «фольксваген» и уехать в Боулдер... или еще куда-нибудь.

Джек озирался в поисках Уллмана, но того в вестибюле не было. Подошла молоденькая горничная с заколотыми на затылке пепельными волосами.

— Твой багаж на крыльце, Дик.

— Спасибо, Салли. — Он чмокнул ее в лоб. — Желаю хорошо провести зиму. Я слышал, ты выходишь замуж?

Она зашагала прочь, развязно виляя задом, а он повернулся к Торрансам.

— Ежели я собираюсь успеть на свой самолет, надо поторопиться. Хочу пожелать вам всего хорошего. Так и выйдет, я знаю.

— Спасибо, — сказал Джек. — Вы были очень добры.

— Я хорошенько позабочусь о вашей кухне, — снова пообещала Венди. — Наслаждайтесь Флоридой.

— Как всегда, — сказал Холлоранн. Он оперся руками о колени и нагнулся к Дэнни. — Последний шанс, парень. Хочешь во Флориду?

— Кажется, нет, — с улыбкой ответил Дэнни.

— О'кей. Хочешь проводить меня с сумками до машины?

— Если мама разрешит.

— Разрешаю, — сказала Венди, — но придется застегнуть курточку.

Она нагнулась, чтобы помочь сыну, но Холлоранн опередил ее, большие, темные пальцы двигались ловко и проворно.

— Я отошлю его прямо к вам, — сказал он.

— Отлично, — откликнулась Венди и проводила их до дверей. Джек все еще оглядывался — не появится ли Уллман. У стойки выписывались последние постояльцы «Оверлука».

11. Сияние

Прямо за дверями были свалены в кучу четыре сумки.

Три здоровенных, выдавших виды старых чемодана из черной искусственной крокодиловой кожи. Последняя необъятных размеров сумка на «молнии» была из выцветшей шотландки.

— Похоже, ты ее унесешь, а? — спросил Холлоранн у Дэнни. Сам он взял в одну руку два больших чемодана, а оставшийся сунул под мышку.

— Конечно, — ответил Дэнни. Он вцепился в сумку обеими руками и спустился вслед за поваром по ступенькам крыльца, мужественно стараясь не кряхтеть, чтобы не выдать, как ему тяжело.

За время, прошедшее с приезда Торрансов, поднялся резкий, пронизывающий ветер; он свистел над стоянкой, и Дэнни, тащившему перед собой сумку, которая стучала его по коленкам, приходилось шуриться так, что глаза превращались в щелки. На асфальте, теперь почти пустынном, шуршали и переворачивались несколько блуждающих осиновых листочков, отчего Дэнни на миг вспомнилась та ночь на прошлой неделе, когда, проснувшись после кошмара, он услышал — или по крайней мере подумал, что слышит, — как Тони не велит ему ехать.

Холлоранн опустил сумки на землю возле багажника бежевого «плимут-фьюри».

— Машина, конечно, не бог весть какая, — доверительно сообщил он малышу, — я ее нанял, вот что. Моя Бесси — на другом конце Штатов. Вот то машина так машина. «Кадиллак» пятидесятого года, а катается — одно удовольствие! Да, скажу я вам... Держу ее во Флориде, она уже слишком стара, чтоб лазить по горам. Тебе помочь?

— Нет, сэр, — сказал Дэнни. Последние десять или двенадцать шагов ему удалось пронести сумку не кряхтя. С глубоким вздохом облегчения он опустил ее на землю.

— Молодец, — похвалил Холлоранн. Вытащив из кармана синего шерстяного пиджака большую связку ключей, он отпер багажник и, поднимая вещи, спросил: — Сияешь, малыш? Да как сильно, я таких еще не встречал. А мне в январе шестьдесят стукнуло.

— А?

— Тебе кое-что дано, — сказал Холлоранн, оборачиваясь к нему. — Что до меня, я всегда называл это сиянием. И бабка моя тоже так говорила. У нее у самой это было. Когда я был пацаненком, не старше тебя, мы частенько сиживали на кухне и подолгу болтали, даже рта не раскрывая.

— Честно?

При виде разинутого рта Дэнни, его почти голодного выражения, Холлоранн с улыбкой сказал:

— Залезай-ка, посидим несколько минут в машине. Хочу поговорить с тобой. — Он захлопнул багажник.

Венди Торранс из вестибюля «Оверлука» увидела, как ее сын лезет на пассажирское сиденье в машину Холлоранна, а черный повар-великан садится за руль. Ощувив острый укол страха, она открыла было рот, чтобы сказать Джеку: Холлоранн не шутил насчет того, чтобы увезти его сына во Флориду, затевается похищение... Но они сидели в машине — и ничего больше. Очертания детской головки, внимательно повернутой к крупной голове Холлоранна, были едва видны Венди. Но и с такого расстояния она узнала позу: так сын смотрел

телевизор, когда показывали что-нибудь особенно захватывающее, так он играл с отцом в «старую деву» или дурацкий криббидж^[2]. Джек, который по-прежнему озирался в поисках Уллмана, этого не заметил. Венди молчала, нервно наблюдая за машиной Холлоранна, и пыталась понять: о чем же может идти разговор, если Дэнни так наклонил голову?

В машине Холлоранн тем временем говорил:

— Когда думаешь, что ты один такой на свете, делается вроде как одиноко, да?

Дэнни, которому иногда бывало не только одиноко, но и страшно, кивнул.

— А других вы не встречали, только меня? — спросил он.

Холлоранн рассмеялся, качая головой:

— Нет, малыш, нет. Но ты сияешь сильнее всех.

— Значит, таких много?

— Нет, — сказал Холлоранн, — но время от времени на них натываешься. Полно ребят, которые сияют совсем чуть-чуть. И даже не знают про это. Только всегда являются с цветами, ежели их жены погано чувствуют себя во время месячных, хорошо пижут контрольные в школе, хоть учебник и в руки не брали, и, стоит им зайти в комнату, они сразу соображают, что чувствуют люди, находящиеся в ней. Таких-то я встречал человек пятьдесят или шестьдесят. Но всего человек двенадцать, включая и мою бабулю, *знали* о своем даре.

— У-у, — сказал Дэнни и задумался. Немного помолчав, он спросил: — Вы знаете миссис Брэнт?

— Ее-то? — презрительно хмыкнул Холлоранн. — Она не сияет, нет. Просто два-три раза за вечер отсылает назад свой ужин.

— Я знаю, что она не сияет, — серьезно сказал Дэнни. — А дяденьку в серой форме, который подгоняет машины, знаете?

— Майка? Конечно, я знаю Майка. И что же?

— Мистер Холлоранн, зачем ей его штаны?

— Малыш, ты о чем?

— Ну, когда она на него смотрела, то думала: вот бы забраться в его штаны, и я подумал, зачем...

Больше он не сказал ничего. Из груди запрокинувшего голову Холлоранна вырвался таившийся там басистый хохот, раскатившийся по машине подобно артиллерийской канонаде, такой хохот, от которого затряслись сиденья. Дэнни озадаченно улыбнулся. Наконец, то возобновляясь, то стихая, буря улеглась. Из нагрудного кармана Холлоранн вытащил большой шелковый носовой платок — как будто, сдаваясь, выбросил белый флаг — и вытер льющиеся из глаз слезы.

— Мальчуган, — проговорил он, все еще похрюкивая, — тебе еще и десяти не исполнится, а ты уж узнаешь все о роде человеческом. Только не знаю, завидовать тебе или нет.

— Но миссис Брэнт...

— Выкинь ее из головы, — сказал повар. — И не вздумай спросить маму. Она только расстроится, сечешь?

— Да, сэр, — ответил Дэнни. Он просек это лучше некуда. В прошлом ему уже случалось огорчать маму подобным образом.

— Миссис Брэнт — просто грязная старуха, у которой кое-где чешется, вот все, что тебе надо знать, — он задумчиво посмотрел на Дэнни. — И сильно ты можешь ударить, док?

— А?

— Ну-ка, бабахни в меня. Подумай в мою сторону. Хочу понять: так ты силен, как я думаю, или нет.

— А о чем подумать?

— Все равно. Только подумай *сильно*.

— Ладно, — сказал Дэнни. Минуту он соображал, потом, собравшись с мыслями, сосредоточился и резко швырнул свой мысленный заряд в сторону Холлоранна. Раньше ничего подобного Дэнни делать не приходилось, и в последний миг какая-то часть его существа инстинктивно восстала, притупив грубую силу мысли, — он не хотел повредить мистеру Холлоранну. И все-таки мысль полетела стрелой, да с такой силой, в какую Дэнни никогда бы не поверил. Она пронеслась, как пущенный рукой Нолана Райана литой мяч, и даже чуть-чуть быстрее.

(Ой, хоть бы не сделать ему больно!)

Подумал он вот что:

(!!! ПРИВЕТ, ДИК!!!)

Холлоранн сморщился и рывком отпрянул к спинке сиденья. Смыкаясь, громко лязгнули зубы, из нижней губы тоненькой струйкой потекла кровь. Руки повара подскочили с колен к груди, а потом упали обратно. Ресницы слабо трепетали, очевидно, не управляемые сознанием, и Дэнни испугался:

— Мистер Холлоранн? Дик? С вами все в порядке?

— Не знаю, — сказал Холлоранн со слабым смешком. — Честное слово, не знаю, Бог свидетель. Господи, малыш, ну ты и стрелок!

— Извините, — сказал Дэнни, встревожившись еще сильнее. — Сходить за папой? Я сбегаю приведу его.

— Нет, уже все нормально. Все хорошо, Дэнни. Посиди тут. Просто меня немножко встряхнуло, вот и все.

— Я могу еще сильнее, — сознался Дэнни. — Я испугался в последний момент.

— Может, оно и неплохо... а то висеть бы моим мозгам из ушей. — Он заметил тревогу на лице Дэнни и улыбнулся: — Ничего страшного, а ты что чувствовал?

— Как будто я Нолан Райан и кидаю мяч, — быстро ответил Дэнни.

— Любишь бейсбол, да? — Холлоранн осторожно растирал виски.

— Нам с папой нравятся «Ангель», — сказал Дэнни. — В восточноамериканской лиге — «Ред Сокс», а в западной — «Ангель». Мы смотрели на мировом чемпионате матч «Ред Сокс» с Цинциннати, я тогда был куда меньше. А папа... — лицо Дэнни потемнело и стало расстроенным.

— Что папа, Дэн?

— Не помню, — пробормотал Дэнни. Он принялся было запихивать в рот большой палец, чтоб сососать его, но это были детские штучки. Рука вернулась обратно на колени.

— Ты понимаешь, о чем думают папа с мамой, Дэнни? — Холлоранн пристально смотрел на него.

— Если мне хочется, почти всегда. Но обычно я не стараюсь.

— А почему?

— Ну... — Он на минуту обеспокоенно замолчал. — Ну, это же как подглядывать в

спальню, когда они делают то, от чего бывают дети. Вы знаете, что это такое?

— Да, было дело, — серьезно сказал Холлоранн.

— Им бы это не понравилось. И не понравилось бы, что я подсматриваю, как они думают. Это гадко.

— Понятно.

— Но я понимаю, что они чувствуют, — сказал Дэнни. — С этим я ничего не могу поделаться. Еще я знаю, как вы себя чувствуете. Я сделал вам больно. Извините.

— Просто голова заболела. С похмелья бывало и хуже. Ты можешь читать чужие мысли, Дэнни?

— Я пока совсем не могу читать, — ответил Дэнни, — только несколько слов. Но за эту зиму папа собирается меня выучить. Папа учил читать и писать в большой школе. В основном писать, но читать он тоже умеет.

— Я хотел сказать, ты можешь понять, о чем думает кто-то другой?

Дэнни поразмыслил.

— Когда *громко*, могу, — наконец сказал он. — Как миссис Брэнт про штаны. Или как когда мы с мамой один раз пошли в большой магазин покупать мне ботинки, и там один большой парень смотрел на приемники и думал взять один, а покупать не хотел. Потом он подумал: «А что, если поймают?» А потом: «Но мне так хочется такой приемник». Потом он опять подумал, вдруг его поймают, ему от этого стало плохо, и *мне* тоже. Мама разговаривала с человеком, который продает ботинки, так что я пошел к тому парню и сказал: «Парень, не бери это радио. Уходи». И он правда испугался. И быстро ушел.

Холлоранн широко ухмыльнулся:

— Держу пари, так оно и было. А что ты еще можешь, Дэнни? Только мысли и чувства или еще что-то?

— А вы можете еще что-то? — последовал осторожный ответ.

— Иногда, — сказал Холлоранн. — Не часто. Иногда... иногда у меня бывают видения. А у тебя бывают видения, Дэнни?

— Иногда, — произнес Дэнни, — я вижу сны, когда не сплю. После того, как приходит Тони. — Ему опять очень захотелось сунуть палец в рот. Про Тони он никогда никому не рассказывал — только папе с мамой. Он заставил руку с тем пальцем, что обычно запихивал в рот, лечь обратно на колени.

— Кто такой Тони?

И вдруг на Дэнни накатило одно из тех видений, которые пугали его больше всего: словно перед глазами вдруг быстро промелькнула какая-то непонятная машина, которая могла оказаться и безвредной, и смертельно опасной. Он был слишком мал, чтобы разобраться. Он был слишком мал, чтобы понять.

— В чем дело? — выкрикнул он. — Вы расспрашиваете меня, потому что волнуетесь, правда? Почему вы волнуетесь за меня? Почему вы волнуетесь за *нас*?

Холлоранн положил на плечи малышу крупные темные руки.

— Перестань, — сказал он. — Наверное, все нормально. А если и есть что-то... так у тебя в голове, Дэнни, ого-го какая штука. Такая, что тебе до нее еще расти да расти, вот как. Потому надо держать хвост морковкой.

— Но я *не понимаю!* — взорвался Дэнни. — Я *понимаю*, но не понимаю! Люди... люди чувствуют всякое. А я чувствую их, но не понимаю, что я чувствую! — Он с несчастным видом уперся взглядом себе в колени. — Я хотел бы уметь читать. Иногда Тони показывает

мне надписи, а я их еле прочитываю.

— Кто такой Тони? — повторил Холлоранн.

— Мама с папой называют его моим «невидимым приятелем», — ответил Дэнни, тщательно воспроизводя слова. — Но на самом деле он настоящий. По крайней мере я так думаю. Когда я по правде сильно стараюсь что-нибудь понять, он иногда приходит. И я как будто падаю в обморок, только... там бывают видения, как вы говорите. — Он взглянул на Холлоранна и сглотнул. — Раньше всегда приятные. А теперь... не помню, как называются сны, когда пугаешься и плачешь?

— Кошмары? — спросил Холлоранн.

— Да. Правильно. Кошмары.

— Про этот отель? Про «Оверлук»?

Дэнни снова опустил глаза к своей руке с «сосательным» пальцем.

— Да, — прошептал он. Потом, глядя вверх, в лицо Холлоранну, заговорил пронзительным голосом: — Но я не могу рассказать все это папе, и вы тоже не можете! Ему пришлось взяться за эту работу, потому что дядя Эл не смог найти ему никакую другую, а папе надо закончить пьесу, а то он опять может начать Плохо Поступать, а я знаю, что это такое, это значит — *напиваться*, вот что, он всегда *напивался*, а это плохо! — Дэнни умолк, готовый расплакаться.

— Ш-ш-ш, — сказал Холлоранн и прижал личико Дэнни к шершавой ткани пиджака. От него слабо пахло нафталином. — Ничего, сынок. А ежели пальчику нравится у тебя во рту, пускай забирается, куда ему охота. — Но лицо его было встревоженным.

— Твой дар, сынок... я называю словом «сияние», — сказал он, — Библия — «видениями», а ученые — «предвидением». Я много читал об этом, сынок. Специально. И означает все это одно — видеть будущее.

Дэнни кивнул, не отрываясь от пиджака Холлоранна.

— Помню, раз я так засиял, что сильнее ни до, ни после не бывало... этого мне не забыть. В пятьдесят пятом. Я тогда служил в армии, за морями, на военной базе в Западной Германии. До ужина оставался час, а я стоял у раковины и дрючил одного салагу за то, что картошку чистит слишком толсто. «Эй, — говорю, — ну-ка погляди, как это делается». Он протягивает мне картошку и ножик, и тут кухня пропадает. Целиком. Хлоп — и нету. Говоришь, тебе перед... видениями этот Тони является?

Дэнни кивнул.

Холлоранн обнял его одной рукой.

— А мне мерещится запах апельсинов. Весь тот день пахло апельсинами, а мне это было ни к чему, потому что они входили в меню ужина — мы получили тридцать ящиков из Валенсии. В тот вечер все в проклятой кухне провоняло апельсинами.

Я на секунду вроде как отключился. А потом услышал взрыв и увидел пламя. Крики. Сирены. И еще зашипело — так шипит только пар. Потом я вроде бы чуть подвинулся ко всему этому и увидел сошедший с рельсов вагон, он лежал на боку, и написано было: *Железная дорога Джорджия и Южная Каролина*. Тут меня осенило, я понял: на этом поезде ехал мой брат Карл, а поезд соскочил с рельсов и брат погиб. Вот прямо так. Потом все исчезло, а передо мной — этот перепуганный тупой салажонок, все протягивает мне картошку с ножиком и говорит: «Сержант, ты в норме?» А я говорю: «Нет, только что в Джорджии погиб мой брат». Дозвонился я наконец до мамочки по междугородному телефону, и она рассказала мне, как это было.

Но, видишь ли, мальчуган, я это уже знал.

Холлоранн медленно покачал головой, отгоняя воспоминание, и сверху вниз заглянул в широко раскрытые глаза мальчика.

— Но запомнить тебе, малыш, надо вот что: *такие штуки не всегда сбываются*. Помню, всего четыре года назад я работал поваром в лагере для мальчиков на Длинном озере, в Мэне. Вот сижу я в Логанском аэропорту, жду посадку на свой рейс, и тут запахло апельсинами. Впервые лет, наверное, за пять. Вот я и говорю себе: «Господи, что ж будет в этом ненормальном ночном шоу дальше?» — и отправляюсь в туалет, и сажусь на унитаз, чтоб побыть одному. Сознания не теряю, но появляется у меня ощущение, что мой самолет разобьется, и делается оно все сильнее и сильнее. А потом пропадает вместе с запахом апельсинов, и делается ясно, что все кончилось. Я вернулся к кассам авиалиний «Дельта» и поменял свой рейс на другой, через три часа. И знаешь, что было?

— Что? — прошептал Дэнни.

— *Ничего!* — сказал Холлоранн и рассмеялся. Он с облегчением увидел, что и мальчик слабо улыбнулся. — Ничегошеньки! Самолет сел как по маслу и точно по расписанию. Вот видишь... бывает, предчувствия ничем не кончаются.

— О, — сказал Дэнни.

— Или возьми скачки. Я часто хожу на скачки и обычно играю очень неплохо. Когда они отправляются на старт, я стою у ограды и иногда сияние мне подсказывает, так, чуть-чуть: та лошадь или эта. Обычно такое чутье дает прилично заработать. Я всегда твержу себе: в один прекрасный день ты угадаешь трех лошадей в трех больших заездах и получишь на этом такие деньжищи, что можно будет рано уйти на пенсию. До сих пор это еще не сбылось. Зато много раз я возвращался домой с ипподрома не на такси, а на своих двоих с совершенно плоским бумажником. Никто не сияет все время, кроме, может, Господа на небесах.

— Да, сэр, — согласился Дэнни, думая, как почти год назад Тони показал ему нового малыша, лежавшего в колыбельке в их стовингтонской квартире. Из-за этого Дэнни очень взволновался и стал ждать, зная, что на это требуется время, но никакой новый ребенок не появился.

— Теперь послушай-ка, — сказал Холлоранн и взял обе ручки Дэнни в свои. — Здесь я видел несколько плохих снов, и плохие предчувствия тоже были. Я тут проработал теперь уже два сезона, и раз десять у меня были... ну... кошмары, а еще, сдается мне, с полдюжины раз мерещилось всякое. Нет, что — не скажу. Это не для такого малыша, как ты. Просто разные гадости. Раз это было с этими кустами, чтоб им пусто было, с теми, что на манер зверей подрезаны. Другой раз горничная, Делорес Викери ее звать, было у нее малюсенькое сияние, да сдается мне, она об этом знать не знала. Мистер Уллман выкинул ее с работы... знаешь, что это значит, док?

— Да, сэр, — простодушно ответил Дэнни, — папу выкинули из школы, вот почему, по моему, мы оказались в Колорадо.

— Ну вот, Уллман выкинул ее из-за того, что она говорила, будто увидела в одном из номеров что-то такое... в том номере, где случилась нехорошая вещь. Это номер двести семнадцать, и я хочу, чтобы ты пообещал мне не заходить в него, Дэнни. Всю зиму. Обходи его стороной.

— Ладно, — сказал Дэнни. — Эта тетя... горничная... она попросила вас посмотреть?

— Да, попросила. И кое-что скверное там было. Но... не думаю, что оно может *навредить* кому-нибудь, Дэнни. Вот я к чему клоню. Те, кто сияет, иногда умеют видеть то,

что *должно* случиться и, думаю, иногда — то, что *уже* случилось. Но все это — как картинки в книжке. Ты хоть раз видел в книжке страшную картинку, Дэнни?

— Да, — сказал он, вспоминая сказку о Синей Бороде и картинку, на которой новая жена Синей Бороды открывает дверь и видит все головы.

— Но ты знаешь, что она не может тебе ничего сделать, так?

— Да-а... — с легким сомнением откликнулся Дэнни.

— Ну вот, так и с этим отелем. Не знаю почему, но мне кажется, что бы плохое тут в свое время ни случилось, его маленькие кусочки все еще разбросаны по отелю, как обрезки ногтей или сопли, которые какой-нибудь поганец размазал под стулом. Не понимаю, почему такое ощущение возникает именно тут. Сдается мне, скверные вещи случаются во всех отелях на свете, я много где работал, и никаких неприятностей не было. Только здесь. Но, Дэнни, я не думаю, что это может кому-нибудь повредить. — Каждое слово он подчеркивал, мягко встряхивая мальчика за плечо. — Поэтому, если увидишь что-то в холле или в комнате, или на улице, где эти кусты... просто посмотри в другую сторону, а когда снова обернешься, все пропадет. Сечешь?

— Да, — сказал Дэнни. Он успокоился и чувствовал себя куда лучше. Он стал на коленки, чмокнул Холлоранна в щеку и крепко обхватил. Тот обнял его в ответ и, выпустив мальчика, спросил:

— Твои предки... они не сияют, нет?

— Нет, не думаю.

— Я их проверил, так же, как тебя, — сказал Холлоранн. — Твоя мама дернулась совсем чуть-чуть. Знаешь, по-моему, все мамы немного сияют — по крайней мере пока их детки не подрастут настолько, чтоб самим о себе позаботиться. Твой папа...

Холлоранн ненадолго замолчал. Он проверил отца мальчугана и просто не понимал. Не похоже было, чтобы тот сиял, но твердо сказать, что этот человек на такое не способен, было нельзя. Прощупывать отца Дэнни было... странно, как будто Джек Торранс что-то — нечто — скрывал. Или так далеко упрятал в себя, что до этого невозможно было добраться.

— Думаю, он вообще не сияет, — закончил Холлоранн. — Так что за них не беспокойся. Просто сам будь поосторожней. *Не думаю, что хоть что-нибудь тут может причинить тебе вред.* Так что спокойствие, о'кей?

— О'кей.

— *Дэнни! Эй, док!*

Дэнни огляделся по сторонам:

— Это мама. Я ей нужен, надо идти.

— Знаю, — сказал Холлоранн. — Желаю хорошо провести зиму, Дэнни. Так хорошо, как сумеешь.

— Ладно. Спасибо, мистер Холлоранн. Мне намного лучше.

В его сознании возникла веселая мысль:

(для друзей — Дик)

(да, Дик, ладно)

Их глаза встретились, и Дик Холлоранн подмигнул.

Дэнни пролез на сиденье машины и открыл дверцу. Когда он вылезал, Холлоранн окликнул его:

— Дэнни?

— Что?

— Если *будут* неприятности... позови. Заори как следует, погромче, как несколько минут назад. Я сумею тебя услышать даже далеко на юге, во Флориде. А услышу, так примчусь со всех ног.

— Ладно, — сказал Дэнни и улыбнулся.

— Осторожней, паренек.

— Угу.

Дэнни захлопнул дверцу и побежал через стоянку к крыльцу, где, обхватив себя руками, на знобящем ветру стояла Венди. Холлоранн смотрел на них, и его широкая улыбка медленно таяла.

Не думаю, что хоть что-нибудь тут может причинить тебе вред.

Не думаю...

Но что, если он ошибся? Как только он увидел ту хреновину в ванне номера 217, то понял, что отработал в «Оверлуке» свой последний сезон. Хреновина эта была много хуже любой картинки в любой книжке, а бегущий к маме мальчик казался отсюда таким *маленьким...*

Не думаю...

Его взгляд проплыл к декоративным зверям.

Он резко завел машину, переключил передачу и поехал прочь, стараясь не оглядываться. Конечно же, он оглянулся и, конечно же, крыльцо оказалось пустым. Они ушли внутрь. Как будто «Оверлук» проглотил их.

12. Великий обход

— О чем вы говорили, милый? — спросила Венди, когда они вернулись внутрь.

— Ничего особенного.

— Долгонько же вы говорили ни о чем.

Он пожал плечами, и в этом жесте Венди узнала его отца. Вряд ли сам Джек проделал бы это лучше. Больше из Дэнни было ничего не вытянуть. Венди почувствовала сильную досаду, смешанную с еще более сильной любовью: любовь была беспомощной, а досада происходила от ощущения, что ее намеренно из чего-то исключили. С ними она иногда чувствовала себя посторонней, исполнительницей крошечной роли, которая случайно забрела обратно на сцену, где разворачивались главные события. Что ж, нынешней зимой этой доводящей Венди до белого каления парочке не удастся отлучить ее от себя — в квартире для этого слишком мало места. Она вдруг поняла, что ревнует к тому, насколько близки ее муж и сын, и ей стало стыдно. Это слишком напоминало то, что, должно быть, чувствовала ее мать... слишком, чтобы не встревожиться.

Сейчас вестибюль был пуст, если не считать Уллмана и главного клерка за стойкой (они подбивали итоги возле кассы), парочки переодевшихся в теплые брюки и свитера горничных, которые стояли у парадной двери, обложившись багажом, и Уотсона, здешнего техника-смотрителя. Он заметил, что Венди смотрит на него, и подмигнул... определенно развратно. Она торопливо отвела глаза. Джек был у окна сразу за рестораном, он с мечтательным видом, явно наслаждаясь, разглядывал пейзаж.

Видимо, снимать кассу закончили, потому что Уллман с внушительным хлопком запер ее. Он надписал на ленте свои инициалы и спрятал ее в маленький футляр на «молнии». Венди про себя поаплодировала клерку, лицо которого выразило огромное облегчение. Уллман производил впечатление человека, который любую недостачу вырвет у главного клерка из-под шкуры... не пролив ни капли крови. Венди не очень-то заботили Уллман и его назойливая суетливая манера держаться. Он был точь-в-точь таким, как все начальники, с которыми ей приходилось иметь дело, — будь то мужчины или женщины. С клиентами он умел быть сахаринно-сладким, а за кулисами, с персоналом, превращался в мелкого тирана. Но сейчас дисциплине пришел конец, и на лице главного клерка читалась написанная крупными буквами радость. С дисциплиной, кстати, было покончено для всех, кроме них с Джеком и Дэнни.

— Мистер Торранс, — властно позвал Уллман. — Будьте любезны, подойдите сюда.

Джек направился к нему, кивнув Венди и Дэнни в знак того, что и им следует подойти.

Клерк, который ушел было внутрь, теперь вернулся, уже в пальто.

— Желаю хорошо провести зиму, мистер Уллман.

— Сомневаюсь, что мне это удастся, — холодно сказал Уллман. — Двенадцатого мая, Брэддок. Ни днем раньше. Ни днем позже.

— Да, сэр.

Брэддок обошел стойку. Лицо его соответственно положению выражало достоинство и рассудительность, но когда он повернулся к Уллману спиной, то ухмыльнулся, как школяр. Он на ходу бросил несколько слов двум девушкам, все еще ожидавшим у дверей свою машину, и вслед ему раздался короткий взрыв сдвинутого смеха.

Теперь Венди начала замечать, как здесь тихо. Тишина навалилась на отель, как тяжелое

одеяло, заглушающее все, кроме слабой пульсации дня снаружи. С того места, где она стояла, можно было заглянуть в вылизанный до стерильности внутренний офис. Там было два пустых стола и два серых стеллажа с папками. Дальше виднелась кухня Холлоранна без единого пятнышка, большие двустворчатые двери с круглыми окошечками были раскрыты и подперты резиновыми валиками.

— Я решил немного задержаться и показать вам Отель, — сказал Уллман, и Венди подумала, что в его тоне всегда слышится заглавное *О*. Вы просто были обязаны его услышать. — Уверен, ваш муж хорошо узнает здешние входы и выходы, миссис Торранс, но вы с сыном, несомненно, в основном будете держаться первого и второго этажей, где находится ваша квартира.

— Несомненно, — застенчиво пробормотала Венди, а Джек исподтишка взглянул на нее.

— Это очень красивый отель, — экспансивно объявил Уллман. — Мне просто нравится показывать его.

Готова спорить, так оно и есть, подумала Венди.

— Пойдемте на четвертый этаж, а оттуда спустимся вниз, — сказал Уллман. Определенно, в его голосе звучал энтузиазм.

— Если мы вас задерживаем... — начал Джек.

— Нисколько, — сказал Уллман. — Магазин закрыт. «Ту фини», по крайней мере на этот сезон. Кроме того, я собираюсь переночевать в Боулдере — конечно, в «Боулдерадо». Единственный приличный отель по эту сторону Денвера... не считая, конечно, самого «Оверлука». Сюда.

Они все вместе вошли в лифт, богато украшенный медными и латунными завитушками, но тот заметно осел еще до того, как Уллман раскрыл дверцу. Дэнни пошевелился с легким беспокойством, но Уллман сверху вниз улыбнулся ему. Дэнни попытался улыбнуться в ответ — без заметного успеха.

— Нечего бояться, паренек, — сказал Уллман. — Безопасно, как у Христа за пазухой.

— Про «Титаник» тоже так говорили, — заметил Джек, поднимая глаза на стеклянный шар в центре потолка кабины. Венди прикусила изнутри щеку, чтоб удержаться от улыбки.

Уллмана это замечание не развеселило. Он с шумом и треском захлопнул внутренние дверцы.

— «Титаник» сделал только один рейс, мистер Торранс. Этот же лифт, с тех пор как его установили тут в тысяча девятьсот двадцать шестом году, сделал их тысячи.

— Что вселяет уверенность, — заметил Джек и потрепал Дэнни по голове. — Ну, док, самолет не разобьется.

Уллман передвинул рычаг, и какое-то время слышался только жалобный вой замученного мотора да пол трясся у них под ногами. Венди представилось: вот их четверка застрекает между этажами, как мухи в бутылке, а весной их находят... слегка обглоданных... как команду Доннеров...

(Прекрати!)

Лифт, дрожа, начал подъем. Поначалу снизу доносились клацанье и стук, потом дело пошло более гладко. На четвертом этаже Уллман остановил глухо стукнувший лифт, распахнул створки внутренней дверцы и открыл наружную. До этажа оставалось еще дюймов шесть. Дэнни широко раскрытыми глазами смотрел, насколько ниже пол лифта пола четвертого этажа, будто только-только уразумел, что Вселенная устроена не так разумно, как

ему говорили. Уллман откашлялся, немного поднял кабину и остановил ее, при этом она содрогнулась (пару дюймов они все-таки не доехали), и все выбрались наружу. Стоило кабине освободиться от их веса, как она поднялась почти вровень с этажом, но, по мнению Венди, уверенности это не прибавляло. Безопасно в лифте или нет, но она решила пользоваться лестницей, если нужно будет спуститься или подняться наверх. И ни при каких условиях она не позволит забраться в эту хрупкую штуковину всем троим вместе.

— На что смотрим, док? — весело поинтересовался Джек. — Пятна нашел, да?

— Нет, конечно, — возразил уязвленный Уллман. — Все ковры мыли с шампунем всего два дня назад.

Венди и сама бросила взгляд на дорожку в холле. Симпатичная, но, если настанет день, когда у нее будет собственный дом, такую она определенно не выберет. На темно-голубом фоне сплеталось что-то вроде сюрреалистических джунглей со множеством лиан, побегов дикого винограда и усеянных экзотическими птицами деревьев. Трудно сказать, что это за птицы, потому что весь узор был совершенно черным и просматривались лишь силуэты.

— Тебе нравится ковер? — спросила она у Дэнни.

— Да, мам, — лишенным выражения тоном ответил он.

Они прошли по приятно широкому холлу. Обои были шелковистыми, более светлого голубого тона, чтобы сочетаться с ковром. Через каждые десять футов на высоте примерно семи футов висели электрические светильники, стилизованные под лондонские газовые фонари, поэтому лампочки прятались за стеклом туманно-кремового оттенка, перехваченными крест-накрест железными полосками.

— Как они мне нравятся! — сказала Венди.

Довольный Уллман кивнул:

— Мистер Дервент поставил их после войны — второй мировой, я хочу сказать, — по всему отелю. Фактически почти весь — хотя и не совсем — интерьер четвертого этажа — его идея. Вот номер трехсотый. Президентский люкс.

Он повернул ключ в замке двустворчатой двери красного дерева и распахнул ее настежь. От явившейся их взорам панорамы в выходящем на запад окне гостиной все разинули рты — наверное, такого эффекта Уллман и добивался.

— Вот это вид, верно? — улыбнулся он.

— Да уж, — сказал Джек.

Окно занимало почти всю длинную стену гостиной, а за ним, прямо меж двух зубчатых вершин, стояло солнце, льющее золотой свет на скалы и сахарно-белый снег высоких пиков. Облака по бокам и позади этого прямо-таки предназначенного для почтовой открытки пейзажа тоже были подкрашены золотом, а ярко сверкающие снопы солнечных лучей медленно угасали в темных мохнатых омутах ниже границы леса.

И Джек, и Венди были столь поглощены этим зрелищем, что не обратили внимания на Дэнни — тот тоже не сводил глаз, но не с окна, а с того места, где открывалась дверь в ванную, с красно-бело-полосатых шелковистых обоев слева от себя. И его аханье, слившееся с «ах!» родителей, не имело никакого отношения к красоте.

На обоях запеклись большие пятна крови, испещренные крошечными кусочками какого-то серовато-белого вещества. От увиденного Дэнни затошнило. Это напоминало написанную кровью безумную картину, сюрреалистический офорт, изображающий запрокинутое от боли и ужаса человеческое лицо с зияющим ртом и снесенной половиной черепа.

(Так что, если увидишь что-нибудь... просто отвернись, а когда опять посмотришь, все

исчезнет. Сечешь?)

Дэнни нарочно перевел взгляд на окно, соблюдая осторожность, чтобы по выражению его лица нельзя было ни о чем догадаться, а когда его руку накрыла мамина, он взялся за нее, следя, как бы не вцепиться или не подать какой-нибудь иной сигнал.

Управляющий говорил папе что-то о том, что следует убедиться, закрыто ли это большое окно ставнями, иначе сильный ветер разобьет его. Джек кивал. Дэнни осторожно взглянул на стену еще раз. Большое пятно засохшей крови исчезло. Маленьких серо-белых пятнышек, разбрызганных по нему, тоже не было.

Потом Уллман вывел их из номера. Мама спросила, понравились ли Дэнни горы. Он сказал «да», хотя на самом деле горы его совершенно не волновали. Когда Уллман закрывал за ними двери, Дэнни оглянулся через плечо. Кровавое пятно вернулось, только на сей раз оно было свежим. Оно растекалось. Уллман, глядя прямо на пятно, продолжил беглый рассказ об останавливавшихся здесь знаменитостях. Дэнни обнаружил, что сильно, до крови, прикусил губу, и даже не почувствовал этого. Пока они шли по коридору, он немножко отстал от остальных, утер тыльной стороной руки кровь и подумал про

(кровь)

(мистер Холлоранн видел кровь или что-нибудь похуже?)

(Не думаю, что такие штуки могут причинить тебе вред.)

Во рту у Дэнни притаился крик, но он не выпустил его. Папа с мамой не умеют видеть такие вещи, они никогда этого не умели. Он промолчит. Мама с папой любят друг друга, вот это настоящее. Прочее напоминало картинки в книжке. Некоторые были страшными, но причинить вреда не могли. *Они... не могут... причинить вред...*

Мистер Уллман провел их по коридорам, которые своими изгибами и поворотами напоминали лабиринт, и показал еще несколько номеров на четвертом этаже. Тут, наверху, сплошь луки, сказал мистер Уллман, хотя никаких луков Дэнни не видел. Он продемонстрировал им комнату, где как-то раз останавливалась леди по имени Мэрилин Монро — она тогда вышла замуж за человека по имени Артур Миллер (Дэнни смутно понял, что, пожив в «Оверлуке», Мэрилин с Артуром вскоре после того *РАЗВЕЛИСЬ*).

— Мам?

— Что, милый?

— Если они были женаты, почему у них разные фамилии? У вас с папой фамилия одна.

— Да, Дэнни, но мы-то не знаменитости, — сказал Джек. — Знаменитые женщины сохраняют свою фамилию даже после того, как выйдут замуж, потому что фамилия — это их кусок хлеба с маслом.

— Хлеба с маслом, — повторил совершенно заинтригованный Дэнни.

— Папа хочет сказать, что люди привыкли ходить в кино и смотреть на Мэрилин Монро, — сказала Венди, — но им может не понравиться, если они придут и увидят Мэрилин Миллер.

— Почему? Это ведь все равно будет та же самая леди. Разве никто не догадается?

— Да, но... — она беспомощно посмотрела на Джека.

— Однажды в этом номере останавливался Трумэн Капоте, — нетерпеливо перебил Уллман, открывая дверь. — Это было уже при мне. Ужасно милый человек. Европейские манеры.

Ни в одном из этих номеров не было ничего примечательного (вот только луков, которые не переставая упоминал мистер Уллман, там не было) — ничего, что испугало бы Дэнни.

Всерьез на четвертом этаже Дэнни встревожило еще только одно, но почему — он сказать не мог. А встревожил его огнетушитель на стене, в том месте, где коридор сворачивал, возвращаясь к лифту. Тот, раскрытый, зиял в ожидании, как рот, полный золотых зубов.

Огнетушитель был несовременным: один конец свернутого плоского шланга крепился к большому красному вентилю, а другой — заканчивался латунным наконечником. Витки шланга удерживал красный металлический обруч на шарнире. В случае пожара можно одним сильным толчком откинуть такой обруч в сторону — и шланг ваш. Это Дэнни понимал, ему удавалось хорошо сообразить, как работают вещи. К тому времени, как Дэнни стукнуло два с половиной, он уже отпирал защитные дверки, которые отец сделал на верхней площадке лестницы в их стовингтонском доме. Он понял, как работает замок. Папа называл это *СНОРОВОККОЙ*. У некоторых *СНОРОВКА* была, а у некоторых — нет.

Этот огнетушитель был постарше тех, что случалось видеть Дэнни — например, в детском саду, — но ничего сверхнеобычного в этом не было. Тем не менее шланг, свернувшийся, как спящая змея, на фоне голубых обоев, рождал в мальчике смутное чувство тревоги. Так что, свернув за угол, он обрадовался, когда шланг скрылся из вида.

— Естественно, все окна следует закрыть ставнями, — сказал мистер Уллман, когда они снова зашли в лифт. Кабина у них под ногами опять неловко осела. — Но особенно меня беспокоит окно в президентском люксе. Обошлось оно нам в четыреста двадцать долларов, а ведь прошло больше тридцати лет. Сегодня замена такого стекла обойдется в восемь раз дороже.

— Я закрою, — сказал Джек.

Они спустились на третий этаж, там были другие номера, а коридор оказался еще извилистее и поворачивал еще чаще. Теперь, когда солнце зашло за горы, свет в окнах начал заметно убывать. Мистер Уллман показал им один или два номера, и на этом все кончилось. Мимо номера 217, насчет которого предостерегал Дик Холлоранн, он прошел, не замедляя шага. Дэнни посмотрел на неброскую табличку с номером, очарованный и встревоженный одновременно.

Потом — еще ниже, на второй этаж. Там мистер Уллман не стал показывать комнаты, пока они не оказались возле покрытой толстым ковром лестницы, которая вела назад в вестибюль.

— Вот ваша квартира, — сказал он. — Думаю, вы найдете ее подходящей.

Они вошли. Дэнни взял себя в руки — мало ли что там могло оказаться. Там не оказалось ничего.

Венди Торранс вздохнула с облегчением. Президентский люкс своей холодной элегантностью вызвал у нее чувство неловкости, собственной неуклюжести. Конечно, это здорово — посетить отреставрированное историческое здание, где в спальне висит мемориальная табличка, гласящая: «Здесь спал Авраам Линкольн» или «Здесь спал Франклин Рузвельт», но совершенно другое дело — представить, как лежишь с мужем среди целых акров постельного белья и, может статься, занимаешься любовью там, где случалось возлежать самым великим (во всяком случае, самым могущественным, поправились она) в мире людям. Но эта квартира была попроще, более домашней, она прямо-таки манила к себе. Венди подумала, что без особого труда сумела бы мириться с ней до следующего лета.

— Тут очень мило, — сказала она Уллману и услышала в своем голосе благодарность.

— Простенько, но подходяще, — кивнул Уллман. — В сезон тут живут повар с женой или с помощником.

— Тут жил мистер Холлоранн? — вмешался Дэнни.

Мистер Уллман снисходительно склонил голову.

— Именно так. С мистером Неверсом. — Он повернулся к Джеку и Венди: — Тут гостиная.

Там стояло несколько стульев, с виду удобных, но недорогих; кофейный столик — когда-то он стоил немало, но сейчас с одного бока у него был отколот длинный кусок; две книжные полки (Венди с некоторым изумлением отметила, что они битком набиты сборниками литературных обзоров и трилогиями «Клуба детективных романов» сороковых годов) и казенный телевизор неизвестной марки, куда менее элегантный, чем консоли из полированного дерева в комнатах.

— Кухни здесь, конечно, нет, — сказал Уллман, — но есть подъемник для подачи блюд. Квартира находится прямо над кухней отеля. — Он сдвинул в сторону квадратный кусок обшивки, открылся широкий квадратный поднос. Уллман подтолкнул его, и тот исчез, открыв взорам направляющий трос.

— Тайный ход! — возбужденно заявил Дэнни матери. Потрясающая шахта за стеной миглом заставила позабыть все страхи. — Прямо как в «Эббот и Костелло встречаются с монстрами»!

Мистер Уллман нахмурился, но Венди виновато улыбнулась. Дэнни подбежал к подъемнику и заглянул в шахту.

— Сюда, пожалуйста.

Уллман отворил дверь в дальнем конце гостиной. Она вела в широкую и просторную спальню. Там стояли две одинаковые кровати. Венди взглянула на мужа, улыбнулась, пожалала плечами.

— Нет проблем, — ответил Джек. — Мы их сдвинем.

Мистер Уллман оглянулся, искренне озадаченный:

— Простите?

— Кровати, — любезно пояснил Джек. — Их можно сдвинуть.

— О, конечно, — сказал Уллман, мгновенно смутившись. Потом его лицо прояснилось, а из-под воротничка рубашки вверх пополз румянец. — Как угодно.

Он проводил их обратно в гостиную, из которой еще одна дверь вела в другую спальню, где стояла двухэтажная кровать. В углу лязгал радиатор, а коврик на полу был украшен кошмарной вышивкой, изображавшей кактусы и шалфей. Венди заметила, что Дэнни уже положил на него глаз. Стены комнаты, не такой большой, как соседняя, покрывали панели из настоящей сосны.

— Док, как, по-твоему, выдержишь ты здесь? — спросил Джек.

— Еще бы. Я буду спать на верхней койке, ладно?

— Как хочешь.

— И коврик мне тоже нравится. Мистер Уллман, почему у вас не все ковры такие?

На мгновение лицо мистера Уллмана сделалось таким, будто он запустил зубы в лимон. Потом он улыбнулся и потрепал Дэнни по щеке.

— Вот ваши комнаты, — сказал он, — только ванная находится за основной спальней. Квартира не слишком велика, но, конечно, вы можете располагаться и в других номерах отеля. Камин в вестибюле — в хорошем рабочем состоянии, так по крайней мере мне сказал Уотсон, и если внутренний голос подскажет вам обедать в столовой — не стесняйтесь, обедайте.

Он говорил тоном человека, дарующего большую привилегию.

— Хорошо, — сказал Джек.

— Спустимся вниз? — спросил мистер Уллман.

Они съехали на лифте в теперь уже совершенно пустой вестибюль, только Уотсон в кожаной куртке подпирал входную дверь, ковыряя в зубах зубочисткой.

— Я думал, вы уже далеко отсюда, — прохладным тоном произнес мистер Уллман.

— Да вот, торчу тут, чтоб напомнить мистеру Торрансу про котел, — сказал Уотсон, выпрямляясь. — Не спускать с него глаз, приятель, тогда все будет в лучшем виде. Раза два на дню скидывайте давление. Оно ползет.

Оно ползет, подумал Дэнни. Эти слова эхом пошли гулять по длинному тихому коридору в его сознании, зеркальному коридору, в который люди редко заглядывают.

— Хорошо, — сказал отец.

— И проживете, как у Христа за пазухой, — сказал Уотсон и протянул Джеку руку. Тот пожал ее. Уотсон повернулся к Венди и склонил голову.

— Мэм, — сказал он.

— Очень приятно, — отозвалась Венди и подумала, что это прозвучало совершенно абсурдно. Она была родом из Новой Англии, прожила там всю жизнь, и ей казалось, несколькими короткими фразами этот лохматый Уотсон воплотил все то, что, по общему мнению, и есть Запад. Пусть даже до этого он ей развратно подмигивал.

— Мастер Торранс, — серьезно произнес Уотсон и протянул руку. Дэнни, к этому времени уже целый год прекрасно разбиравшийся в рукопожатиях, робко подал свою и почувствовал, как она утонула в ладони Уотсона. — Заботься о них хорошенько, Дэн.

— Да, сэр.

Уотсон отпустил ручонку Дэнни и, выпрямившись во весь рост, взглянул на Уллмана.

— Ну, до будущего года, — сказал он, протягивая руку.

Уллман вяло коснулся ее. Бледно-розовый камень в его перстне поймал свет люстры в вестибюле и зловеще подмигнул.

— Двенадцатого мая, Уотсон, — промолвил он. — Ни на день раньше или позже.

— Да, сэр, — ответил Уотсон, и Джек ясно представил, как мысленно тот прибавил: *Козел вонючий.*

— Хорошей вам зимы, мистер Уллман.

— О, в этом я сомневаюсь, — высокомерно ответил тот.

Уотсон отворил одну створку большой парадной двери, ветер взвыл громче и принялся трепать воротник его куртки.

— Ну, ребята, поосторожней, — сказал он.

— Да, сэр, — ответил за всех Дэнни.

Уотсон, чей не столь уж далекий предок владел отелем, застенчиво проскользнул в дверь. Она закрылась за ним, заглушив ветер. Они все вместе посмотрели, как Уотсон простучал поношенными черными ковбойскими сапогами по широким ступеням парадного крыльца. Пока он пересекал стоянку и забирался внутрь своего пикапа «интернэшнл харвестер», у его ног крутились хрупкие желтые осинового цвета листья. Он завел машину, из заржавленной выхлопной трубы вылетел синий дымок. Пока машина задним ходом выезжала со стоянки, все молчали, словно находясь во власти заклятия. Грузовичок Уотсона исчез за выступом холма, а потом появился снова, маленький, на главной дороге. Он держал курс на запад.

На мгновение Дэнни почувствовал себя одиноким, как никогда в жизни.

13. Парадное крыльцо

Семейство Торрансов стояло на длинном парадном крыльце отеля «Оверлук», словно позируя для семейного портрета: в центре — Дэнни в застегнутой курточке, которая с прошлой осени стала мала и уже протиралась на локтях; позади него — Венди, опустившая руку ему на плечо; слева от мальчика — Джек, чья ладонь невесомо покоилась на макушке сына.

Мистер Уллман в дорогом коричневом мехеровом пальто, застегнутом на все пуговицы, поотстал на шаг. Солнце, уже совсем скрывшееся за горами, обвело вершины золотой огненной каймой, а падающие от предметов тени сделало длинными и лиловыми. На стоянке осталось только три машины: здешний грузовичок, «линкольн-континенталь» Уллмана и выдавший виды «фольксваген» Торранса.

— Ну, вот ключи, — сказал Уллман Джеку. — Вы все поняли насчет котла и топки?

Джек кивнул, чувствуя к Уллману что-то вроде искреннего сочувствия. В этом сезоне дела закончились, клубок смотали до двенадцатого мая будущего года — не до одиннадцатого, не до тринадцатого, — и отвечающий за все Уллман, Уллман, говорящий об отеле тоном, в котором звучала несомненная страсть, не мог не поискать недочетов.

— Думаю, я справлюсь как следует, — сказал Джек.

— Хорошо. Буду держать с вами связь. — Но он по-прежнему медлил, будто ждал, что ветер придет на помощь и, может быть, отнесет его к машине. Наконец Уллман вздохнул: — Ну ладно. Желаю хорошо провести зиму, мистер Торранс, миссис Торранс. И тебе, Дэнни.

— Спасибо, сэр, — сказал Дэнни. — И вам тоже.

— Сомнительно, — еще раз произнес Уллман, и это прозвучало грустно. — Этот отель во Флориде, если говорить начистоту, настоящая помойка. Убиваешь время на суету. «Оверлук» — вот мое настоящее дело. Хорошенько заботьтесь о нем для меня, мистер Торранс.

— Надо думать, будущей весной, когда вы вернетесь сюда, он окажется на месте, — сказал Джек, а в мозгу Дэнни молнией промелькнула мысль

(а мы?)

и пропала.

— Конечно. Конечно, он окажется на месте.

Уллман посмотрел на детскую площадку, где под ветром потрескивали кусты-животные. Потом еще раз деловито кивнул.

— Тогда до свидания.

Он быстро и чопорно прошагал к своему автомобилю — до смешного большому для такого маленького человечка — и скрылся внутри. Заурчал, оживая, мотор «линкольна», а когда он выбирался из своего стойла на паркинге, вспыхнули задние фары. Машина отъехала, и Джек сумел прочесть маленькую табличку над местом ее стоянки: *ТОЛЬКО ДЛЯ МАШИНЫ МИСТЕРА УЛЛМАНА, УПР.*

— А как же, — тихо произнес Джек.

Они провожали его взглядами, пока машина не исчезла из вида, съехав вниз по восточному склону. Когда она пропала, все трое переглянулись — молча, почти испуганно. Они остались одни. По аккуратно подстриженной лужайке, не предназначенной для глаз постояльцев, стайками бесцельно носились листья осины, они кружились, едва касаясь

земли. Кроме них троих, некому было увидеть, как осенняя листва крадется по траве. От этого у Джека возникло странное ощущение — как будто он уменьшается и его жизненная сила съезживается в жалкую искорку, зато отель и его территория удваивались в размерах, становились зловещими, и их мрачная неодушевленная сила превращала его, Джека, семью в карликов.

Потом Венди сказала:

— Посмотри-ка на себя, док. У тебя из носа течет, как из пожарного шланга. Пошли-ка внутрь.

И они пошли внутрь, решительно закрыв дверь перед непрекращающимся воем ветра.

14. На крыше

— *Ах, сволочь проклятая, чтоб тебе пусто было!*

Выкрикнув эти слова с болью и удивлением одновременно, Джек Торранс с размаху шлепнул правой рукой по синей рабочей ковбойке, прогоняя ужалившую его крупную сонную осу. Потом так быстро, как только мог, полез вверх по крыше, поглядывая через плечо, не поднимаются ли из вскрытого им гнезда братишки и сестренки этой осы, чтобы принять бой. Если так, дело могло принять плохой оборот — гнездо находилось на пути к лестнице, а люк, ведущий на чердак, был заперт изнутри. Падать пришлось бы с высоты семидесяти футов на зацементированную веранду между зданием отеля и лужайкой.

Прозрачный воздух над гнездом был неподвижным, неподтревоженным.

С отвращением присвистнув сквозь зубы, Джек уселся, оседлав гребень крыши, и осмотрел указательный палец правой руки. Тот уже начал опухать, и Джек решил, что следует попытаться проползти мимо гнезда к лестнице, чтоб спуститься и приложить к пальцу лед.

Было двадцатое октября. Венди и Дэнни уехали в Сайдвиндер на здешнем грузовичке (стареньком, тарахтящем «додже», которому все-таки можно было доверять больше, чем «фольксвагену», — тот теперь мрачно хрипел, будто на последнем издыхании), чтобы купить три галлона молока и сделать кое-какие покупки к Рождеству. Закупать подарки было рановато, но никто не знал, когда окончательно выпадет снег. Заморозки уже начались, а дорога к «Оверлуку» кое-где стала скользкой от пятен наледи.

Пока что стояла сверхъестественно красивая осень. Все три недели, что Торрансы провели здесь, один золотой денек сменялся другим. Прохладный, бодрящий утренний воздух днем прогревался до шестидесяти с хвостиком — это как нельзя лучше подходило для того, чтоб взобраться на покатую крышу западного крыла «Оверлука» и перестелить там черепицу. Джек честно сознался Венди, что работу можно было закончить еще четыре дня назад, только он посчитал, что спешить некуда. Вид, открывавшийся сверху, был столь эффектным, что перед ним бледнела даже панорама за окном президентского люкса. Более того, успокаивала сама работа. На крыше Джек чувствовал, как исцеляется от ноющих ран последних трех лет. На крыше он чувствовал, как обретает душевное равновесие. Те три года начинали казаться путаным кошмаром.

Черепица сильно прогнила, часть ее полностью сдуло ураганами прошлой зимы. Все это он отодрал и сбросил с края крыши, вопя во все горло: «Воздух!» — ему вовсе не хотелось попасть в Дэнни, если тот ненароком забредет сюда. Когда оса добралась до Джека, он как раз вытаскивал наружу изношенный болт.

Ирония заключалась в том, что каждый раз, взбираясь на крышу, Джек сам себя предупреждал: осторожней, не наступи на гнездо; на такой случай при нем была дымовая шашка. Но нынче утром тишина и покой были такими полными, что его бдительность ослабла. Он снова очутился в мире медленно создаваемой им пьесы, набрасывая начерно сцену, над которой будет работать вечером. Пьеса продвигалась очень неплохо, и, хотя Венди высказывалась мало, он знал, что жена довольна. Не давалась решающая сцена между директором школы, садистом Денкером и Гэри Бенсоном, юным героем пьесы — на ней Джека заколодило в последние несчастные полгода в Стовингтоне, в те шесть месяцев, когда страстная жажда напитаться бывала столь сильна, что ему едва удавалось сосредоточиться на

уроках в школе, не говоря уже о сверхпрограммных литературных притязаниях.

Но вот уже двенадцать вечеров, стоило Джеку усесться за свой «ундервуд» той модели, что обычно ставят в конторах (он позаимствовал его из главного офиса с первого этажа), и препятствие под пальцами исчезало столь же волшебным образом, как растворяется во рту сахарная вата. Почти без усилий ему удалось постичь душу Денкера (а этого все время недоставало), соответственно чему он переписал большую часть второго акта так, чтобы все вертелось вокруг новой сцены. С течением времени все яснее становился третий акт, который крутился в голове у Джека, когда оса положила конец раздумьям. Он подумал, что мог бы за две недели вчерне набросать акт, а к Новому году закончить чистовик проклятой пьесы целиком.

В Нью-Йорке у него был литагент — упрямая рыжеволосая пробивная дамочка по имени Филлис Сэндлер, она курила «Герберт Тэрейтон», пила из бумажного стаканчика «Джим Бим» и полагала, будто литературный свет клином сошелся на Шоне О'Кейси. Она продала три рассказа Джека, включая тот, что напечатал «Эсквайр». Джек уже сообщил Филлис про пьесу под названием «Маленькая школа», описав основной конфликт между талантливым ученым Денкером, опустившимся до того, что он превратился в жестокого, ожесточающего других директора новоанглийской школы на переломе века, и Гэри Бенсоном, учеником, который виделся Денкеру им самим в молодости. Филлис ответила, выразив интерес, и предостерегла, что, прежде чем садиться за пьесу, Джеку следует перечитать О'Кейси. В этом году она написала ему еще раз, спрашивая, где, черт побери, пьеса. Джек в кислом тоне ответил, что «Маленькая школа» бессрочно — а не исключено, что и навсегда — застряла на полпути от руки к бумаге в той «любопытной интеллектуальной Гоби, которая известна как авторский затык». Теперь создавалось впечатление, что Филлис и впрямь имеет шанс получить пьесу. Хороша пьеса или нет, поставят ли ее когда-нибудь — вопрос совсем иного порядка. К тому же Джека, кажется, такие проблемы не слишком заботили. В известном смысле он чувствовал, что камнем преткновения была сама пьеса в целом — колоссальный символ неудачных лет в Стюивингтонской подготовительной; символ женитьбы, которую Джек чуть было не доконал, подобно севшему за руль старой развалюхи рехнувшемуся мальчишке; символ чудовищного нападения на сына, инцидента с Джорджем Хэтфилдом на автостоянке — инцидента, который нельзя было по-прежнему рассматривать как очередную внезапную разрушительную вспышку своего темперамента. Теперь Джек думал, что проблема его пьянства частично произрастала из неосознанного желания освободиться от Стюивингтона, а ощущение, что деваться некуда, душило любой писательский порыв. Он бросил пить, но жажда свободы не уменьшилась. Отсюда — Джордж Хэтфилд. Теперь от тех дней осталась только пьеса на столе в их с Венди спальне, а когда он закончит ее и отошлет в нью-йоркское агентство Филлис, можно будет вернуться к иным вещам. Не к роману (Джек пока не был готов ринуться в трясину обязательств еще на три года), но к нескольким рассказам — несомненно. Может статься, к сборнику рассказов.

Осторожно передвигаясь на четвереньках, Джек прополз вниз по скату крыши, миновав отчетливую границу между новой зеленой черепицей и участком, который только что закончил расчищать. Добравшись до края участка слева от вскрытого осинового гнезда, Джек неуверенно направился к нему, готовый дать задний ход и слететь вниз по лестнице на землю, как только дело запахнет керосином.

Он склонился над местом, где снял черепицу, и заглянул туда.

Гнездо лепилось в пространстве между старым болтом и подостланными под самую черепицу досками три на пять. Черт, и здоровое же оно было! Сероватый бумажный шар показался Джеку чуть меньше двух футов в диаметре. Форму он имел неправильную, потому что щель между планками и болтом была узковата, но Джек подумал, что все-таки маленькие педики поработали на славу. Поверхность гнезда кишела неуклюжими, медленно передвигающимися насекомыми. Это были крупные недоброжелательные твари — не те в желтых пиджачках, что поменьше и поспокойнее, нет, это были бумажные осы. От осенней прохлады они отупели, стали медлительными, но Джек, с детства хорошо знакомый с осами, счел, что ему повезло — он отделался только одним укусом. Да, подумал он, найми Уллман работника в разгар лета, тот, разобрав именно этот участок крыши, был бы до чертиков удивлен. Да уж. Когда на вас садится сразу дюжина бумажных ос и принимается жалить лицо, руки, плечи, ноги прямо сквозь штаны, вполне можно позабыть, что до земли — семьдесят футов. Пытаясь удрать от них, можно просто ухнуть с края крыши. И все из-за маленьких созданий, самое крупное из которых всего-то длиной с половину карандашного огрызка.

Где-то, то ли в воскресной газете, то ли в журнальной статье, он читал, что семь процентов всех смертей в автомобильных катастрофах не имеют объяснения. Никаких механических неисправностей, никакого превышения скорости, все трезвые, погода хорошая. Просто на пустынном отрезке дороги разбивается одинокая машина, и единственный покойник — водитель — не способен объяснить, что произошло. В статье приводилось интервью с полицейским, по теории которого многие из этих так называемых «аварий на пустом месте» происходят из-за оказавшегося в машине насекомого. Осы, какой-нибудь пчелы, может быть, даже паука или мошки. Охваченный паникой водитель пытается прихлопнуть его или выпустить, открыв окошко. Не исключено, что насекомое кусает его. Может быть, водитель просто теряет управление. Так или иначе, бум!.. все кончено. А насекомое, обычно совершенно не пострадавшее, с веселым жужжанием удаляется от дымящихся развалин поискать лужок позеленее. Джек вспомнил, что полицейский ратовал за то, чтобы патологоанатомы на вскрытиях таких жертв смотрели, нет ли укусов насекомых.

Сейчас, когда он смотрел вниз, на гнездо, ему казалось, что оно может служить реальным символом всего, через что он прошел (протащив своих заложников перед судьбой), а еще — знаменем будущих лучших времен. Как иначе объяснить все происходящее с ним? Ведь он по-прежнему чувствовал — весь набор стовингтонских неприятностей следовало рассматривать с той точки зрения, что Джек Торранс — сторона пассивная. Среди преподавателей Стовингтона Джек знал массу людей (только на кафедре английского языка — двоих), которые были очень не дураки выпить. Зак Танни имел привычку в субботу утром брать целый бочонок пива и весь вечер хлестал это пиво на заднем дворе в сугробе, а в воскресенье, черт его дери, смотрел футбольные матчи или старые фильмы и сводил результаты на нет. Однако всю неделю Зак был трезвей трезвого — редким случаем бывал слабенький коктейль за ленчем.

Они с Элом Шокли были алкоголиками. Они искали друг друга, как два изгоя, все еще достаточно стремящиеся к общению, чтоб предпочесть утопиться на пару, а не поодиночке. Только море было не соленым, а винным, вот и все. Наблюдая, как осы внизу занимаются делами, к которым их подталкивает инстинкт, пока зима еще не навалилась и не уничтожила всех, кроме впадающей в спячку королевы, Джек пошел еще дальше. Он — *до сих пор* алкоголик и будет им всегда. Может быть, он стал алкоголиком в тот момент, когда на

институтской вечеринке второкурсников впервые попробовал спиртное. Это не имело никакого отношения к силе воли, к вопросу, нравственно ли пить, к слабости или силе его собственного характера. Где-то внутри находилось сломанное реле или выключатель, который не срабатывал, так что волей-неволей Джека подталкивало вниз под горку — сперва медленно, потом, когда на него начал давить Стовингтон, все быстрее. Длинный скользкий спуск, а внизу оказались ничейный велосипед и сын со сломанной рукой. Джек Торранс — пассивная сторона. С его норовом было то же самое. Всю жизнь Джек безуспешно пытался сдерживать его. Он помнит, как соседка, когда ему было семь, отшлепала его за баловство со спичками. Удрал от нее, он запустил камнем в проезжавшую мимо машину. Это увидел его отец и, взревев, налетел на маленького Джекки и надрал ему задницу до красноты... а потом подбил глаз. Но, когда отец, бормоча что-то себе под нос, отправился в дом поглядеть, что там по телевизору, Джек, наткнувшись на бездомную собаку, пинком отшвырнул ее в канаву. Две дюжины драк в начальной школе, в средней — и того больше, так что Джека дважды отстраняли от занятий и несчетное число раз оставляли после уроков, несмотря на хорошие оценки. Предохранителем до некоторой степени служил футбол, хотя Джек отлично понимал, что чуть ли не каждую минуту каждой игры буквально исходит дерьмом и звереет, воспринимая как личное оскорбление каждый блок и перехват мяча соперником. Играл он хорошо; и в младших, и в старших классах зарабатывал звание «Лучшего в спортивной ассоциации», но отлично знал, что благодарить за это (или винить в этом) должен свой скверный характер. Футбол не приносил ему радости. Каждая игра рождала недобрые чувства.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Серж — шерстяная костюмная ткань. — *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

Криббидж — карточная игра для двух, трех или четырех игроков. Из сброшенных игроками карт формируется «колыбель-криб».